

ВЛАДИМИР
ХОДАНОВИЧ

Е

КАТЕРИНГОФ

ОТ ИМПЕРАТОРСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ
ДО РАБОЧЕЙ ОКРАИНЫ

Всё о Санкт-Петербурге

Владимир Ходанович

**Екатерингоф. От императорской
резиденции до рабочей окраины**

«Центрполиграф»

2013

Ходанович В. И.

Екатерингоф. От императорской резиденции до рабочей окраины
/ В. И. Ходанович — «Центрполиграф», 2013 — (Всё о Санкт-Петербурге)

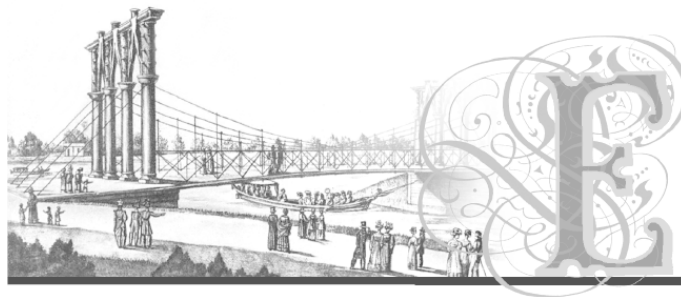
Книга кандидата исторических наук, доцента В.И. Ходановича посвящена в основном малоизвестным и неизвестным фактам из истории Екатерингофа – первого в Петербурге общедоступного парка с первым в истории города дворцом-музеем – и его ближайших окрестностей. Начинается книга рассказом о возведении летом 1814 г. на границе Екатерингофа триумфальных ворот по проекту Дж. Кваренги. Впервые, на основании архивных источников, дается их подробное описание. Автор рассказывает о домах и людях, живших на Старо-Петергофском проспекте в районе Нарвской площади, Лифляндской и бывшей Молвинской улиц. Разгадана «тайна» Молвинской колонны. Подробно рассказано о деятельности «Комитета об устройении Екатерингофа», дачной жизни, о медицинских учреждениях и столичном «Попечительстве о народной трезвости» в Екатерингофе. Отдельные части посвящены истории Екатерингофа в советское время, столичным предпринимателям XIX – начала XX в., жившим или строившим в Екатерингофе. История Екатерингофа и его окрестностей показана на фоне и в контексте социально-политического и культурного развития Санкт-Петербурга и России на протяжении почти двух веков.

© Ходанович В. И., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Краткое предисловие	5
Триумфальные ворота	7
I	7
II	24
III	33
Сутугины и другие	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Ходанович

Екатерингоф. От императорской резиденции до рабочей окраины

Краткое предисловие

«При выезде из Екатерингофа на большую дорогу, первым предметом является глазам вашим триумфальная арка, воздвигнутая, по плану знаменитого Гваренги, в 1814 году», – писал отправлявшийся путешествовать по Ревельскому тракту четырнадцать лет спустя издатель «Отечественных записок»¹.

Эти ворота, до их слома, считались границей Екатерингофа. Поэтому с рассказа об их возведении и начинается книга.

Другая причина начать повествование именно с этих ворот в следующем.

Если взять из специально написанного о постройке и судьбе Триумфальных ворот на Петергофской дороге 1814 г.² «основные положения» статей авторов и свести воедино, то получится текст примерно следующего содержания.

Для возведения временных триумфальных ворот в столице привлекли архитекторов Стасова и Кваренги и из двух предложенных проектов выбрали более простой для реализации в короткие сроки – Кваренги, который впервые проектировал триумфальные арки. За один месяц в ста метрах от берега Таракановки возвели ворота, увенчанные колесницей Славы-Победы. Аттик ворот украшали 12 статуй Гениев славы, на высоких пьедесталах стояли 8 фигур воинов в плащах и шлемах. По обеим сторонам арки построили 4 просторные трибуны для зрителей и оркестров. Однако 7 июля Александр I, опасаясь народных манифестаций, прислал генералу Вязмитинову рескрипт, запрещающий устройство любых торжественных встреч и приемов. Гвардейские войска в 1814 г. торжественно проходили через ворота четыре раза. Через десять лет ворота обветшали и стали представлять угрозу для пешеходов и транспорта. Поэтому их должны были разобрать.

Как читатель увидит из предлагаемой книги, все, кроме последнего предложения, действительности не соответствует.

¹ См.: Свищев П.П. Моя поездка в Ревель 1827 года // Отечественные записки. 1828. Ч. 33. С. 11.

² См.: Раскин А.Г. Триумфальные арки Ленинграда. Л., 1977. С. 104-105; Фролов А.И. Санкт-Петербург от А до Я. Триумфальные арки и колонны. СПб., 2006. С. 44-46; Векслер А.Ф. Нарвские триумфальные ворота // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия: в 3-х т. Т. II. Девятнадцатый век. Кн. 6. С-Т. СПб., 2008. С. 415-418.

К концу первого десятилетия XIX в. территории ныне существующего парка «Екатерингоф» и вокруг него по правому берегу Таракановки входили в 3-й квартал Нарвской части, по левому берегу реки – в Софийский (позднее – Царскосельский) уезд Петербургской губернии.

После образования Нарвской части 8-й квартал 4-й Адмиралтейской части стал ее 3-м кварталом.

На 1807 г. площадь, занимаемая 3-м кварталом, составляла более 81 га, из них под каменными домами – 0,6 %, деревянными двухэтажными – 0,7 % и одноэтажными – около 3 %. Сады и огороды составляли 39,8 га, дворы – 15,8 га, места «в пустее лежащие» – 2,6 га. Мощные улицы и площади занимали почти 2,5 га, немощенные – 14,2 га. Площадь рек и каналов равнялась 0,7 га.

Торговых пристаней и выгонной земли в квартале в выписке из описания «Атласа города С. Петербурга, 1807 года» не обозначено³.

На 1814 г. новые деревянные триумфальные ворота стояли на Петергофской дороге между двух участков – купца П.М. Сутугина и Д. Орловской. Соответственно, рассказ будет и о них, и о потомках Сутугина, о судьбе строений на их участках, и о людях, ими владевшими вплоть до начала XX в.

Впервые подробно рассмотрена деятельность «Комитета об устройении Екатерингофа».

Разгадана «тайна» Молвинской колонны. Следующие главы книги связаны и с историей собственно нынешнего парка «Екатерингоф», и с территорией вокруг него – *вокруг Екатерингофа*.

Орфография, пунктуация и стилистические особенности цитируемых первоисточников конца XVIII – начала XX в. сохранены.

³ См.: Описание Атласа города С. Петербурга, 1807 года: выписка // ОР РНБ. Ф. 40. № 128.

Триумфальные ворота

I

Во вторник 7 июля 1814 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинов получил собственноручно написанный императором *рескрипт*.

«Сергей Кузьмич! Дошло до моего сведения, что делаются разные приготовления к Моей встрече. Ненавидя оные всегда, почитаю их еще менее приличными ныне. Един Всевышний причиною знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе. Перед ним все должны мы смириться. Объявите повсюду мою не переменную волю, дабы ни каких встреч и приемов для меня не делать. Пошлите повеления губернаторам, дабы ни один не отлучался от своего места для сего предмета. Навашу ответственность возлагаю точное исполнение сего повеления. Пребываю навсегда вам благосклонным»⁴. Подписано: *Александр*.

Текст привожу по подлиннику, хранящемуся в архиве, а не по отпечатанным в типографии Сената копиям, рассылавшимся на места «для должного исполнения». В типографских копиях венценосная *скорпись* была преобразована в *письмо красивое*.

Тем же днем главнокомандующий отписал министру народного просвещения, графу А.К. Разумовскому: «Сего числа имел я счастье получить Высочайший Его Императорского Величества рескрипт, повелевающий, между прочим, объявить повсюду непрременную Монаршую Его волю, дабы никаких встреч и приемов для Его Величества не делать.

Комитет Г.Г. Министров, повыслушанию сего Высочайшего рескрипта между прочим положил: ежели где и в губерниях делались какие либо приготовления, то оные уничтожить <...>»⁵.

Почти с уверенностью можно сказать, что рескрипт зачитывал сам Сергей Кузьмич (являясь и вторым человеком в Комитете министров, и адресатом). Как зачитывал, есть возможность представить. Ибо попал Сергей Кузьмич – с чтением *рескрипта* – даже на страницы романа «Война и мир».

Осенью 1805 г., в день именин Элен, за ужином *маленького общества людей самых близких*, князь Василий в лицах рассказывал о том, как военный министр С.К. Вязмитинов зачитывал присланный ему Александром I из армии рескрипт, который начинался примерно так же, как и спустя девять лет: «Сергей Кузьмич! Со всех сторон до меня доходят известия...».

«– Так-таки и не пошло дальше, чем „Сергей Кузьмич?“ – спрашивала одна дама.

– Да, да, ни на волос, – отвечал, смеясь, князь Василий. – „Сергей Кузьмич... со всех сторон. Со всех сторон, Сергей Кузьмич“... Бедный Вязмитинов никак не мог пойти далее. Несколько раз он принимался снова за письмо, но только скажет *Сергей...* всхлипывания... *Ку...зьми...ч* – слезы... и со всех сторон заглушаются рыданиями, и дальше он не мог. И опять платок, и опять „Сергей Кузьмич, со всех сторон“, и слезы... так что уже попросили прочесть другого»⁶.

И ведь это зачитывал человек с двадцатилетним сенаторским и почти таким же губернаторским стажем, генерал от инфантерии, первый в российской истории военный министр, человек, по оценке современников⁷, умный, честный, трудолюбивый, деятельный и добрый,

⁴ РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 1439. Л. 1, 1 об.

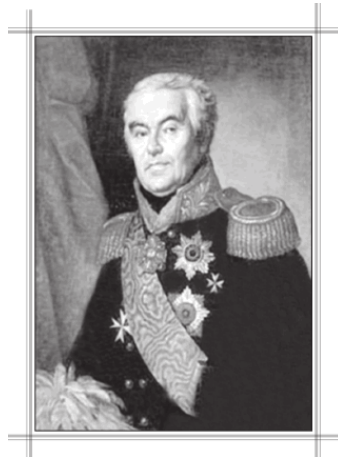
⁵ Там же. Ф. 733. Оп. 86. Д. 389. Л. 48-48 об.

⁶ Толстой Л.Н. Война и мир. Том первый. Часть третья. II.

⁷ См.: Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. М., 2003. С. 222, 402, 726; Жихарев С.П. Записки современника. Воспоминания старого театра: в 2 т. Л., 1989. Т. 2. С. 139-140; Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760-1824. Издание русского архива. М.,

вельможа «не по рождению, а по сану», но робкий и «склонный к подозрениям». Самолюбие в Вязмитинове было «сильнее осторожности» его. Скромный. Одно время возглавлял «Комитет о городских строениях Санктпетербурга». Игравший на виолончели, театрал, автор текста поставленной в Москве в 1782 г. комической оперы «Новое семейство», имевшей, правда, «только случайный успех».

Днем седьмого июля стало пасмурно, и с вечера полил дождь.

О.А. Кипренский. Портрет С.К. Вязмитинова. Фрагмент

Было ли неожиданным для С.К. Вязмитинова то, что все «приуготовления» придется свернуть?

Вряд ли. Если только в апреле—июне того года не получать никакой корреспонденции, ни с кем по должностям не общаться и не читать столичных газет. Но этого не было (за исключением, может быть, газет).

В начале июля Сергей Кузьмич получил несколько собственноручно написанных писем («записочек») от императрицы Марии Федоровны. В одном из них она, ссылаясь на письмо *от сына*, информировала, что «у нас» он будет 22 июля (и приложила к своему письму перевод из голландской газеты). *Седьмого* июля сообщила, что получила поутру письмо от императора из Амстердама – 20 июля *он* «приедет в Павловск»⁸.

Совпадение даты получения корреспонденции позволяет предположить, что рескрипт Вязмитинову «*наш любезный император*» написал также из Амстердама.

Что государь будет в Петербурге 22 июля, Сергею Кузьмичу сообщил великий князь Константин Павлович еще в середине июня⁹.

Надо сказать, что круг «корреспондентов» Сергея Кузьмича был не просто широк (по занимаемым должностям и по положению), но и *специфичен* во всех гранях означенного слова (по еще одной одновременно и временно занимаемой им должности – управляющего Министерством полиции).

Так, в конце марта 1814 г. действительный статский советник Д. Елагин, по предписанию С.К. Вязмитинова направлявшийся в Саратов, «сделался» «вторительно болен» в Пензе, слег и 31 марта продиктовал канцелярскому служителю следующий рапорт в столицу: «Угодно было Вашему Высочайшему превосходительству приотправлении меня приказать доносить вам, что я только могу узнать по Губерниям о противно-закону дел: то я не быв [*нрзб.*] и не желая соделаться доносителем, дерзаю вам доложить как благодетелю моему и Милостивцу не в виде

1867. С. 95.

⁸ См.: Письма и записочки императрицы Марии Федоровны к Сергею Кузьмичу Вязмитинову // Русский архив. 1895. Кн. 1. Вып. 4. С. 523-524.

⁹ См.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 99. Л. 67.

доноса а партикулярно и не смею сокрыть все что мне известно: в Пензенской Губернии ни в одном уезде в запасных магазинах хлеба в наличности нет; Карточная запрещенная азартная игра производится открытым образом в самом сильном градусе». А есть еще то, «о котором на бумаге сказать не могу»¹⁰.

Журналист и стихотворец А.Ф. Воейков называл свои доносы – «благонамеренные советы». Письменные и устные отчеты командированных по возвращении своем, письма просителей или «советы», подобные воейковским, составляли, понятно, для Сергея Кузьмича немаловажный канал поступлений вестей «с мест».

И еще нюанс. Министр просвещения в одном из своих писем в Академию художеств¹¹ подчеркивал, что «высочайший рескрипт» (от 7 июля) последовал не на имя присутствующего в Совете при Воспитательном обществе благородных девиц и училищ ордена Св. Екатерины (коим Сергей Кузьмич также являлся), но на имя министра *полиции*.

Что же до газет, то, может, – теоретически – Сергей Кузьмич оказался прав. Взял бы он рано утром 7-го числа, до получения рескрипта, «Санктпетербургские ведомости» за первую июльскую неделю – что прочел бы о *текущих* событиях?

Маршал Даву куда-то едет «и платит за все наличными деньгами», доктор Гуфланд знакомит с «Новым средством от угрызения бешеных собак», на Таможне можно купить кофе, «остановленный при провозе запрещенных товаров» две лошади с упряжью и конфискованный ром в бочонках, пройдут розыгрыши лотерей, какой-то купец обронил красный сафьяновый бумажник, «для Бонапарте привезено на остров Эльбу еще сто лошадей и 19 карет», Дума сдает в аренду лавки в своем здании, продаются «Анекдоты достопамятной войны Россиян с Французами» в трех книгах, «Всеобщий садовник», а также портрет *Александра Павловича* «с лаврами и венцем бессмертия» – 5 руб. Вексельные курсы, денежные курсы...

Вопрос в другом. Неужели С.К. Вязмитинов не мог иметь, в связи развернувшейся по стране и набиравшей размах кампании, ведомой высшими эшелонами власти, «для приуготовления высокоторжественной встречи и предполагаемых празднеств Его Императорскому Величеству» и, как говорят военные, «план прикрытия»? Что вдруг, в одночасье все «приуготовления» придется свернуть? Включая возведение (с первой половины июня) триумфальных ворот на Петергофской дороге.

Правомерность постановки последнего вопроса вытекает хотя бы из того, что, например, сообщал своим *процумерантам* «Сын Отечества» летом 1814 г. о событиях *международного масштаба*.

Так, 18 июня петербуржцы узнали, что Александр I и прусский король Фридрих Вильгельм III приплыли в Дувр, приготовлениями к их встрече занимался сам принц-регент, на канале Сент-Джеймс строят храм «в восточном вкусе» высотой в 80 футов, который «будет вертеться на своей оси и иллюминирован разноцветными огнями», а перед местом, назначенным для встречи Александра I, «построены будут торжественные врата в Тосканском ордене. Из трубы Славы изходить будут огненные слова: *Твои лавры никогда не увянут!*». Однако Александр I, вступив на землю Британии, сел в карету русского посла графа Ливена и прибыл «не узнан народом» во дворец Pulteney House великой княгини Екатерины Павловны – монархи «желали въехать» в Лондон «под чужим именем»¹².

В Англии, на дороге в Кент, местные жители вывесили, помимо флагов, венков и лент, «большой лист»: «Благодарим вам, Цари-Посетители [так в тексте. – В. Х.] за храбрую помощь в общем деле <...> Теперь мы можем спокойно жить в старой Англии, и в мире есть говья-

¹⁰ Там же. Ф. 1284. Оп. 1. Кн. 77. Д. 370. Л. 112, 112 об.

¹¹ См.: там же. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2422. Л. 1.

¹² См.: Сын Отечества. 1814. Кн. XXIV. Второе прибавление. 18 июня.

жье жаркое и пудинг с изюмом». «Сие простодушие весьма понравилось Монархам»¹³. Султан «твердого героя Германии» фельдмаршала Блюхера растащили «по перышку» на реликвии. К дому, где в Лондоне проживал Александр I, многие женщины специально приезжали изда- лека, дабы «иметь щастие коснуться Его Руки», «толпились к Нему и протягивали руки, друг через друга». Обратим внимание: «Сие добровольное изъявление непритворных чувствований должно быть приятно Великому Монарху, умеющему ценить уважение людей свободных и предпочитающему оное холодным обрядам бездушной учтивости»¹⁴.

Правда, другая газета¹⁵ напечатала о «совершенной перемене» в образе жизни англий- ской аристократии в связи с визитом монархов. Один из британцев пожаловался было Алек- сандру I, что, мол, мы все привыкли здесь спать до двенадцати часов дня, а ныне должны вста- вать в шесть утра. На что получил ответ «Всеавгустейшаго» россиянина: «В Англию приехал я не для того, чтобы спать».

Нижняя палата английского парламента «назначила» 5 тыс. фунтов стерлингов на возве- дение Английской церкви в Санкт-Петербурге.

Возвращался Александр I из Англии через Европу. В Роттердам император «приехал в простой коляске и просил, чтобы Ему не оказывали никаких почестей». А «вшествие в Амстердам» 18 июня, верхом, вместе с наследным принцем Нассау-Оранским, «было весьма торжественно. На дороге построены были почетные врата; улицы украшены флагами и гирлян- дами». О появлении «Героя-Освободителя Европы» в Кельне в три часа утра возвестил 101 пушечный выстрел с крепости. 25 июня Александр I прибыл в Мангейм «просто одетый и не будучи никем сопровождаем», в полдень 5 июля в Лейпциг – «в четвероместной дорожной карете», совершенно неожиданно для горожан; вечером того же дня этот город «был освещен отличным образом, пред ратушею возвышались триумфальные ворота с вензловым именем Великого Государя и символами согласия и победы», а студенты университета «в торжествен- ном ходе» «с факелами и музыкою, приносили Государю желание многолетия». Во Франк- фурт-на-Одере «Повелитель Севера» прибыл до рассвета «под названием Генерала Романова и тотчас чрез Кистин [Кюстрин. – В. Х.] поехал далее, несмотря на приготовления, которые были здесь сделаны к его приему».

Г. Мейер. Портрет Александра I. 1814 г. Гравюра пунктиром. С оригинала Р.М. Вол- кова, 1811 г.

Все приводимые эпитеты Александра I ранее, здесь и далее – *подлинные*, образца 1814 г.

¹³ См.: там же. Кн. XXVIII. 9 июля. С. 89.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ См.: Санктпетербургские ведомости. 1814. 10 июля. С. 578.

Основным источником для известий о передвижениях Александра I и русских войск по Европе в сторону России для столичных газет служила иностранная пресса, главным образом публикации в «Берлинском вестнике» и «Венском вестнике». И по версии последнего¹⁶, только два обстоятельства повлияли на решение перенести конгресс стран-победительниц до октября 1814 г.: «важные дела» в английском парламенте и невозможность до окончания заседаний и дебатов в нем (по вопросу о мирном трактате с Францией) назначенному на конгресс «уполномоченному от Англии» лорду Каслри «отлучиться» из страны, и «желание Императора Всероссийского не отлагать долее возвращения Своего в Россию». Отмечалось также желание Александра I *на короткий срок* посетить Россию.

И характер, и обстоятельства «вшествий» Александра I в западноевропейские города, лежавшие на его пути в Отечество, подвигают к мысли, что свое возвращение в Россию император *изначально* рассматривал как короткую *личную, семейную поездку*. Государыня императрица Мария Федоровна пишет С.К. Вязмитинову, что император «приедет в Павловск, где он желает, чтоб я его ждала»¹⁷. Не в Санкт-Петербург, а в Павловск.

Коль так, то все более становятся понятными и первая реакция, и последующие действия царя в мае—июле 1814 г. на все предложения по поводу церемоний торжественных встреч его в пределах подвластной ему империи «под радостныя восклицания, раздающиеся от Кадикса до Камчатки».

По дороге в Санкт-Петербург, во время своего пребывания в немецком Брухзале, Александр I получил от Синода, Государственного совета и Сената прошение о принятии им *титла Благословенного* и высочайшем соизволении воздвигнуть в российской столице памятник с надписью: «Александр Благословенному, Императору Всероссийскому, Великодушному Держав Возстановителю от признательной России» и выбить медаль. Прощение передала *специально* посланная на то депутация в составе действительного тайного советника и сенатора А.Б. Куракина, генерала от кавалерии А.П. Тормасова и гофмейстера, сенатора и графа А.Н. Салтыкова. По воспоминаниям А.С. Шишкова¹⁸, Александр I призвал его, государственного секретаря, к себе и «приказал» в ответ на прошение написать указ, в котором бы «изъявлено было», что «от воздвигнута Ему памятника и принятия наименования Благословенный, отрицается и не соизволяет». На следующий день, 30 июня, Шишков принес написанный им указ (*Благословенного* в текст все же включили), и «Государь без всякой перемены утвердил бумагу сию своим подписанием».

Более полутора столетий назад «*житель Тентелевой деревни*» – псевдоним Николая Ивановича Греча – написал, что Александр I был «задачею» уже для современников, поэтому едва ли он будет *разгадан* последующими поколениями.

Возможно, что не будет разгадан *до конца*. Но это не значит, что, поверив в эту неизбежность, историки тут же оставили попытки выяснить мотивацию поступков Александра I после завершения заграничного похода.

Отмечу только двух авторов. (Книги и сочинения *александроведов* – вне рассмотрения.) Около ста лет назад в Берлине была издана книга историка С.П. Мельгунова «Дела и люди александровского времени» – плодотворнейшая попытка «разгадать» российского императора. Рассмотрены разные аспекты – от влияния воспитателей до превращения исповедника религии «естественного разума» в «пиэтиста и мистика».

¹⁶ См.: там же. 21 июля. С. 605.

¹⁷ Письма и записочки императрицы Марии Федоровны к Сергею Козмичу Вязмитинову. С. 524.

¹⁸ См.: Шишков А.С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. 2-е изд. СПб., 1832. С. 295-306.

«Пожар Москвы просветлил мою душу...» – признавался Александр I – и вызванный императором в столицу очередной «пророк», юродивый музыкант Никитушка Федоров, награждается чином XIV класса¹⁹.

Одна из плодотворных попыток нынешнего времени «расшифровать» не только основы мотивации поступков, в частности Александра I, но и на конкретных примерах доказать правомерность своих выводов, содержится в двухтомном исследовании американского историка Ричарда С. Уортмана «Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии» (1995 г.)²⁰.

Выделю только основное, связанное с возвращением царя в Россию в 1814 г.

Автор пишет, что Александр I разделял позицию своего отца: законность императорской власти не требует подтверждения орденами. Летом 1801 г. Негласный комитет согласился с предложением Александра, чтобы его коронация в Москве не была отягощена «тягостными представлениями». Отсутствие коронационного альбома указывало, в том числе, и на нежелание Александра поощрять символику власти и напыщенную риторику. Коронация 1801 г. вводила сценарий доброго и кроткого государя. Во время посещения Риги в 1802 г. царь заявлял о своем намерении отвергать «все почести и торжества». Не должно было быть намека, что власть Александра может основываться на общественном одобрении.

Царь уклонялся от проявлений «народной любви» в духе XVIII столетия – как церемониального подтверждения благодетельного правления государя. Включение народа в императорский сценарий угрожало образу царя как высшей силы, дарованной ее носителю извне, и уже в первые месяцы после изгнания наполеоновской армии из пределов России победа «народа» переносится на «промысл Божий», превращая национальный триумф в религиозное чувство.

Литература ухватила за тему императора-героя, лично добившегося победы. Но Александр не поощрял возрождения светского мессианизма XVIII столетия – император как избавитель от несчастий. Он отрицал свои заслуги в победе, призывая к подчинению божественной воле; истинная цель государства – «благоговейное перед Ним смирение», и образ ревностного смирения, без олимпийской символики предыдущего века, снова утвердил дистанцию между правящим и управляемыми. Библия сменила философию в качестве источника этических взглядов Александра, оправдывающих власть императора. С «падения Иерусалима» (Парижа) и «спасения Европы» во главе православной армии Александр I принял на себя роль главы всемирного христианства, миссионера, проповедующего абсолютные человеческие ценности. Россия, орудие Провидения, сравнялась с Наполеоном и превзошла его достижения. В своем январском 1816 г. манифесте Александр I изображал прошедшую войну уже как кару за грехи русского народа, призывая его к покаянию.

По поводу всех этих «промыслов» и «провидений» точно и ясно высказался С.П. Мельгунов: «Новое объяснение упрощенно разрешало целый ряд сложных обязательств, ложившихся на правительство»²¹.

Чтобы представить, каково оказалось *в июле 1814 г.* подданным Российской империи *официально* узнать, что никаких «встреч и приемов» «светлого Царя Царей» не будет (соответственно, и триумфальные ворота могут не понадобиться), следует перенестись на три месяца назад, ко дню 11 апреля, когда петербуржцы узнали, что «Всеавгустейший Монарх наш, с храбрыми Своими и союзными войсками, вступил в Столицу Франции»²². И составить своего рода краткую хронику событий, предшествовавших дню получения С.К. Вязмитиновым рескрипта.

Одиннадцатое апреля была среда, а поутру в понедельник «гром пушек» с Петропавловской крепости известил о прибытии в столицу генерал-адъютанта и генерал-лейтенанта П.В.

¹⁹ См.: Мельгунов С.П. Дела и люди александровского времени. Берлин, 1923. С. 69.

²⁰ См.: Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. / Пер. с англ. М., 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 258-322.

²¹ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 70.

²² См.: Северная почта, или Новая Санктпетербургская газета. 1814. № 29. 11 апреля; Русский инвалид. 1814. 11 апреля.

Голенищева-Кутузова (с осени 1812 г. командовал отрядом конных ямщиков, потом – кавалерийским отрядом). Довоенный обер-полицмейстер, он привез *официальное* известие о вступлении в Париж (и французские знамена, взятые в боях под Парижем, за что Павел Васильевич получил золотую шпагу «За храбрость»).

Через два дня, 15 апреля, праздновали вступление «безпримерного во владыках Александра I» и союзных войск во французскую столицу. В десять часов утра трофейные знамена доставили в Казанский собор, где вскоре появились Мария Федоровна и великая княжна Анна Павловна с придворными, было совершено благодарственное богослужение, прочитана реляция «о Монмартрском деле» и о взятии Парижа. С крепости прозвучал 151 выстрел. Затем Мария Федоровна возвратилась в Зимний дворец. Видя по дороге «Августейших Особ», «многие проливали радостные слезы». Вечером в театре представили оперу «Водовоз» и *военный балет* «Праздник во стане союзных армий при Монмартре». Город «был иллюминирован», у зданий министерств и ведомств, у Гостиного двора, «даже пред всеми магазинами, горели щиты и транспаранты с аллегорическими изображениями».

В тот вечер «лучшие картины» были перед Императорской Публичной библиотекой, Городской думой и домом главнокомандующего С.К. Вязмитинова (на Большой Морской улице)²³.

Окончание боевых действий во Франции и предвкушение встречи с «Примирителем Европы» нашло свое отражение в литературе.

Василий Капнист преподнес и прочел императрице Марии Федоровне «Оду на всерадостное известие о покорении Парижа». Г.Р. Державин опубликовал «На покорение Парижа», Федор Кокошкин – «Врата Щастия». Василий Львович Пушкин призывал: «Пойте, радуйтесь ребята! Александр нам верный щит!», «Многие лета» России пропел К.П. Вяземский. Некто Н. Тукмачев «*На случай возвратного шествия Государя Императора в Россию 1814 года*» составил «Российский Алфавит» из 27 эпитетов Александру Благословенному, которые начинались с 27 букв алфавита. В начале июля в «Сыне Отечества» Николай Остолопов по подобию сравнительных жизнеописаний опубликовал «Петр и Александр в Париже»; правда, сразу за творением поэта, переводчика и вологодского вице-губернатора, на этой же странице, поместили басню И.А. Крылова («Какой-то греховодник / Женился от живой жены еще на двух»). Но это, надо думать, случайное совпадение.

Тем петербуржцам, кто прочитывал объявления в «Северной почте» в самом начале мая, могло запомниться, что на Васильевском острове, в 7-й линии, в доме купца Шишкина продает свои эстампы, «с оттенками, и без оттенков», проживающий в этом доме «известный живописец Новоселов». Среди предлагавшихся были и эстампы, «представляющие триумфальные ворота, прожектированные в честь Российскому оружию»²⁴. В середине мая о Новоселове прочли москвичи.

О Корниле Новоселове в двухтомном «Подробном словаре русских граверов XVI-XIX вв.» всего две строки: «двора е.и.в. живописец; сочинил и сам награвировал проект памятника Кутузову»²⁵. В архиве сохранилось дело, на 1 (одном) листе, где упоминается Новоселов. В коротком письме, датированном маем 1813 г., из Академии художеств министру народного просвещения говорилось, что «Академия отдает преимущество в искусстве по художественным произведениям пенсионеру своему Витбергу пред Художником Новоселовым»²⁶.

Так как граверу и художнику К. Новоселову принадлежал проект триумфальных ворот, исполненный, скорее всего, в 1813 или начале 1814 г., остановимся на проекте более подробно.

²³ См.: Сын Отечества. 1814. Кн. XXVI. Первое прибавление. 18 апреля. С. 8.

²⁴ См.: Северная почта. 1814. 2 мая.

²⁵ Подробный словарь русских граверов XVI-XIX вв.: в 2-х т. Том II. К-Ф. / Сост. Д.А. Ровинский. М., 2004. Ст. 707.

²⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2330. Л. 1.

С подлинником можно ознакомиться в Отделе эстампов РНБ²⁷. Офорт, тушеванный сепией, без указания места. По тексту на экземплярах, офорты с проектом автор «усерднейше поднес» генерал-казначею и члену Адмиралтейств-коллегии, генерал-лейтенанту Л.И. Голенищеву-Кутузову и графу Д.Н. Салтыкову.

Если мысленно представить нынешние Нарвские триумфальные ворота и сравнить изображенное К. Новоселовым (только один лицевой фасад монумента), то видно общее в композиционной идее – античная римская однопролетная триумфальная арка. Главное отличие от будущих однопролетных ворот Кваренги и Стасова – вместо шестерок лошадей с колесницей на новоселовских воротах две обращенные друг к другу *Славы* с трубами, по их сторонам – жертвенники («знак возносящейся ко всемогущему Богу молитвы») и две фигуры: слева – «Минерва в радостном восторге, смотрит на лучезарное имя великаго Монарха», справа – «кровожаждающий Арсей [Арес. – В. Х.], броса свой щит среди оружия трепещет, узря блистательный луч венка» (пояснительный текст самого Новоселова).

Перечислять другие отличия, не такие уже многочисленные, проекта Новоселова от проектов Кваренги и Стасова целесообразности нет. Только в проекте «живописца двора Его Императорского Величества» была идея, которую, наверное, не приняли бы к исполнению: под канелированными выступами колонн с обеих сторон фасада в двух пирамидах ядер показаны фигуры – то «повержены лежат: алчность, злоба, хищность и лезть в виде дракона и крокодила». А идея Новоселова – там же, у выступов колонн, поместить скульптурные композиции – горы «из завоеванных оружий, где под собственную свою тяжесть, враги России стонут», присутствует и на акварели Кваренги, им же литографированной, с изображением однопролетных триумфальных ворот в Санкт-Петербурге.

Далее совместное «собрание» Синода, Государственного совета и Сената 25 апреля приняло решение «о принятии добровольных приношений на сооружение памятника Его Императорскому Величеству и тиснение медали».

В один из дней второй половины апреля (указать точную дату пока затруднительно) прошло собрание в Городской думе.

Присутствовали: купцы столичные, купцы иногородние, купцы-иностранцы (то есть не имевшие российского подданства, но ведущие свои дела в Санкт-Петербурге).

Слушали: предложение титулярного советника, гражданского губернатора М.М. Бакунина «и приложенное при оном отношение» генерала от инфантерии, главнокомандующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова «о учиненном Правительствующим Сенатом предположении соорудить» в столице «особыя ворота для торжественнаго въезда» Е. И. В.

В выступлении М.М. Бакунина подчеркивалось, что «ворота сии на первый случай за краткостию времени соорудить деревянные, с тем, однако, что такая-же и на том же самом месте воздвигнутся впредь и каменные для памяти в роды родов возвращения в столицу Благословеннаго Александра и счастья, им в оной сотвореннаго».

Постановили, помимо одобрения: составить листы «сколько и кем именно будет подписано» денежных средств и списки жертвователей предоставить в Думу 6 мая 1814 г.²⁸

Пожертвования со списками доставляли в Думу еженедельно.

Остановимся на двух аспектах сбора пожертвований. Первый в то время деликатным не считался. Имеется в виду составление и публикация в печати списков жертвователей. Второй аспект связан не с пожертвованиями как источниками финансирования возведения того или иного сооружения, а с эпитетами, которые, как правило, сегодня добавляют в этих случаях: *добровольные, многочисленные, крупные или стекающиеся со всех сторон* и т. п.

²⁷ См.: Новоселов К. Проект триумфальных ворот в честь М.И. Голенищева-Кутузова. «На батареях воздвигнуты столпы...». Сочинил К. Новоселов. Б.м., 1 л., 39 строк текста. Офорт, тушеванный сепией // ОЭ РНБ. Осн. / 29-59. Эс. 5793; Э 38111.

²⁸ См.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 99. Л. 326.

Гражданский губернатор М.М. Бакунин, получив рапорт Городской думы от 21 мая 1814 г. «с выпискою о пожертвованных денег на постройку ворот для торжественного въезда» Е. И. В. в столицу, был, верно, если не изумлен, то расстроен. Сумма, собранная среди купцов, составляла «всего только 45 632 рубля». И Михаил Михайлович отписал городскому голове, коллежскому асессору Ивану Ивановичу Маркелову: «Сумма сия весьма маловажна относительно величия предмета, на который она определена», и проблема состоит в том, указывал губернатор, что Думой еще не налажена должная разъяснительная работа среди купечества относительно потребности *подписаться*²⁹.

Купцы (как видно из ответа) все не могли взять в толк: им «вкладываться» на ворота «деревянные», или на «каменные», или на те и другие «разом»?

К 27 мая на сооружение в столице триумфальных ворот губернским предводителем дворянства было подписано пожертвований на сумму 62 657 руб. 50 коп., в городское дворянское депутатское собрание внесено 22 392 руб. 50 коп.³⁰ «Для приращения процентов» и «надежнейшего хранения» денежные суммы помещались в казначейство при Казенной палате.

В целом же столичное дворянство решило не отягощаться «разъяснительной работой». Двадцатого июня «благородное сословие» на «общем собрании» «в комнатах» Таврического дворца приняло решение: каждый принадлежащий к этому сословию, владеющий домом, оцененным (Городской думой) в 10 тысяч рублей и выше, вносит 1 (один) процент с суммы оценки. К взносу также *допускались* «и прочие» из дворянского сословия и «всякой кто пожелает по усердию своему принять в том участие». Принимались взносы в дворянском депутатском собрании в доме № 403 Московской части ежедневно с девяти утра до двух часов дня³¹.

Самое поразительное во всей этой *собираательной* кампании: каждый владелец дома, сделав «добровольный» взнос, получал квитанцию, которую нужно было отметить у... квартального надзирателя.

На Гутуевском острове, принадлежавшему надворному советнику Михаилу Алексеевичу Кусовникову, в отстроенном им в том году трактире по воскресным дням начинала «играть музыка». «На означенный остров позволяет возить со дворов сор и мусор»³².

Девятнадцатого мая 1814 г. Комитет министров утвердил «проект» встречи императора в Санкт-Петербурге и «для учинения заблаговременных встрече нужных приготовлений и распоряжений к церемониалу и предполагаемым в проекте празднеств» решил «составить особую Комиссию под начальством» обер-гофмейстера двора графа Ю.П. Литты (о чем на следующий день был извещен С.К. Вязмитинов)³³.

Комиссия начала заседать, рассматривая проект трехдневных торжеств, с докладом по которому выступал сам председатель Государственного совета генерал-фельдмаршал Н.И. Салтыков. Затем Комиссия истребовала «проекты и рисунки: декорациям, иллюминациям и украшениям с представлением примерных смет». Из выписки журнала заседания Комиссии:

«1-е, Украсить Городския Триумфальныя ворота, кои представляют первый предмет при вшествии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА в Город, и как ворота сии уже существуют, то остается сделать только сказанное украшение и живопись, на что полагается 5000 р.

2-е, Равным образом удобно украсить Калинкин мост <...> тем более что сей мост сам по себе даст способ составить Триумфальный храм на устройство, украшение и живопись сего предмета полагается 8000 р.».

²⁹ См.: там же. Л. 328, 329.

³⁰ См.: ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 1. Д. 60. Л. 60.

³¹ См.: там же. Л. 65.

³² Санктпетербургские ведомости. 1814. 5 января.

³³ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Кн. 77. Д. 370. Л. 219.

Эту выписку Комиссия приложила к письму С.К. Вязмитинову от 4 июня 1814 г.³⁴

Городскими Триумфальными воротами названы каменные ворота на Петергофской дороге у набережной Обводного канала, построенные к 1784 г. по проекту архитектора А. Ринальди, как считали, «в память трофеев Екатерины Великой».

Строительство *новых* ворот на Петергофской дороге не упоминалось. Перечислялись другие статьи расходов – на фейерверк, декорации, украшения, ужин «для Высочайшей фамилии и для прочих столов», оплата оркестрантов и т. д.

Двадцатого мая на своем собрании уездные предводителя дворянства и депутаты «вошли» «в общее разсуждение, и быв движимым духом верноподданнического усердия положили общим мнением» получить согласие дворянства губернии (через уездных предводителей), «чтоб при благополучном возвращении ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА в отечество, во изъявление Глубочайшаго благоговения и благодарных чувствий, встретить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, дворянству Санкт-петербургской губернии на ея Границе по примеру предков наших с хлебом и солью на золотом блюде с таковою же солонкою, с изображением на них Гербов всех уездов Губернии и приличной надписи, соорудив на месте назначенном для сего сретения триумфальные врата; а по возвращении победоносных войск, входящих из них в Границы Сей Губернии, сделать угощение, полагая на сие приуготовление собрать сумму добровольною складкою по правилам в отзыве моем начертанным»³⁵.

Одновременно собрание рассмотрело проект архитектора В.П. Стасова и составленную им смету постройки ворот «по ценам материалов здесь существующим».

Фамилия *Кваренги* не упоминалась.

Губернским предводителем дворянства А. Жеребцовым было выдано В.П. Стасову «на первой Случай» на задаток художникам и мастерам 2650 руб. «На дальнейшие расходы к безостановочному производству сего строения» предводитель распорядился выдавать из средств, собиравшихся ямбургским уездным предводителем дворянства генерал-майором Павлом Ивановичем Моллером³⁶. Срок окончания постройки ворот определили не позднее 20 июня. В.П. Стасов принял на себя «приискание» для строительства «исправных и надежных художников и мастеров», наблюдение «за успешностию строения и прочностию материалов» и их заготовку по возможности с «умеренностию в ценах». Первоначальная сумма строительства была определена – до 15 тыс. руб.

Чтобы завершить разговор о стасовских, поставленных в четырех верстах от Нарвы, деревянных, трехпролетных, квадратных в плане и с одинаковыми фасадами со всех сторон, воротах, добавлю следующее.

Из переписки губернского предводителя дворянства и гражданского губернатора столицы³⁷ выяснено, что основание ворот было готово к 23 июня, строение возведено и обшито досками, крыша покрыта по карнизу листовым железом и покрашена. Вскоре из Петербурга доставили «лепные изделия». Ворота, по мысли их устроителей, знаменовали собой «Храм Славы и Добродетели», на всех четырех сторонах строения – одинаковый текст: «Воздадите „Кесарева Кесареви, Богова Богови“» четырьмя «разными диалектами» – российским, греческим, латинским и немецким.

Восьмого июля ворота были полностью готовы, их строительство обошлось в 26 тысяч рублей. Спустя четыре дня через ворота проехал цесаревич и великий князь Константин Павлович. На следующий день губернатор известил предводителя о том, что ему стало известно: никаких встреч Е. И. В. не делать. Ворота передали в «ведомство Правительства». В конце

³⁴ См.: там же. Л. 225-229.

³⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 1. Д. 60. Л. 1, 2.

³⁶ См.: там же. Л. 5.

³⁷ См.: там же. Л. 54, 55, 79 об., 83-85.

июля трехдневной «сильною бурей с громом, молниею, дождем и вихрем» «смыло» с ворот гербы уездов, «повредило руки у Гениев», сорвало несколько венков и разбило их «в мелкие части». Почти через три года состояние ворот, пребывавших «без всякого присмотра», было таково: «Вовсе разграблены и обломаны, чрез что пришли в... безобразное и опасное положение».

Эскизы ворот В.П. Стасова сохранились.

Возвратимся в Петербург. Еще 14 мая управляющий Военным министерством известил С.К. Вязмитинова, что по распоряжению генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая-де-Толли, высочайше утвержденному, «большая Действующая Армия возвращается в пределы нашего Государства отдельными корпусами»³⁸.

Четыре отдельных корпуса направлялись разными маршрутами и должны были достигнуть Ковно, Гродно, Брест-Литовска и Владимира-на-Волыни в период между 1 и 20 августа. Резервный корпус Его Императорского Высочества (Гвардейский и Гренадерский корпуса, 1-я кирасирская дивизия и гвардейская дивизия легкой кавалерии), писал министр, «хотя и не получил еще определительного времени к выступлению, но будет следовать» через Кюстрин к Тильзиту.

Вообще, если быть точным, Резервный корпус, по расписанию войск на май 1814 г.³⁹, состоял из четырех корпусов. Гвардейского корпуса (1-я гвардейская пехотная дивизия, гвардейские 1-я батареинная артиллерийская рота и 1-я легкая артиллерийская рота, 1-я, 2-я и 3-я кирасирские дивизии, гвардейские драгунский, гусарский уланский полки и 1-я гвардейская конно-артиллерийская батарея). Корпуса А.П. Ермолова (гвардейские 2-я дивизия и 2-я артиллерийская батареинная рота), Гренадерского корпуса и корпуса Н.Н. Раевского (с батальоном Ее Высочества).

Части отдельных корпусов выступили из Парижа в первых числах мая, части Резервного корпуса – позднее.

По воспоминаниям М.И. Муравьева-Апостола⁴⁰, в тот год – прапорщика Семеновского полка, уже после первого перехода из Парижа, когда полк уже находился в Сен-Жермен-Анлэ, курьером было доставлено донесение от выехавшего в Англию императора, и они узнали, что в Россию будут возвращаться морем.

Если так, то возникает вопрос: что подвигло царя, как говорится, «с борта самолета» отдать приказ радикально изменить маршрут возвращения 1-й гвардейской дивизии в Россию?

Десятого июня суда с Измайловским и Егерским полками отплыли из Шербурга, через четыре дня за ними последовал Семеновский полк. (Линейные корабли с Семеновским полком встали на рейде Кронштадта вечером 16 июля.)

Если о петербуржцах, то для них в *морском* возвращении гвардейских частей не было никакой неожиданности. Еще 21 июня они могли прочесть в газете, что 8 тысяч войск гвардии придут в английский порт Саутгемптон «и оттуда отправятся на Русских судах в Отечество»⁴¹.

Двадцать второго мая Комитет министров распорядился *о присылке* в Санкт-Петербург депутатов от губерний – для их участия в торжественной встрече Е. И. В.

Желающих быть *избранным* депутатом оказалось столь много, что через несколько дней тому же Комитету министров пришлось ввести разнарядку, направив ее в тридцать восемь

³⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Кн. 77. Д. 370. Л. 253.

³⁹ См.: там же. Л. 255-256.

⁴⁰ См.: *Муравьев-Апостол М.И.* Воспоминания и письма / Предисл. и прим. С.Я. Штрайха. Пг., 1922. С. 39.

⁴¹ См.: *Сын Отечества*. 1814. Кн. XXV. Прибавление L. 21 июня С. 1.

адресов: от каждой губернии только по два депутата от дворянства и по два депутата от купечества⁴².

Прибывшие в Петербург депутаты от купечества селились в трактирах, гостиницах, у знакомых и, как правило, в центральных частях города. Только один, кирилловский купец Гостинщиков – в Екатерингофе, в доме купца Семенова⁴³.

...Депутаты будут приняты «Благословенным» только в первой половине августа, по заранее согласованным в верхах спискам, дворяне – отдельно, купцы – отдельно. К тому же дворян-депутатов, имевших «щастие представлены быть», предварительно разделили на четыре группы, для каждой – свой день «щастия», кто – в первую очередь, кто – «опосля».

В первый день июня управляющий Военным министерством «поставил своим долгом» известить С.К. Вязмитинова: 11 или 12 июня в город прибует возвращающееся с войны петербургское ополчение, и он полагает «встретить оное с тою же почестию, с каковою благородно было Государю ИМПЕРАТОРУ отправить сие ополчение в 1812-м году противу врагов России. – Таковую встречу зделаю у Нарвской Заставы, и провожу ополчение до Исаакиевской площади»⁴⁴.

22 января Александр I подписал указ командующему Данцигским корпусом А.-Ф. Вюртембергскому о порядке возвращения ополчения. Из 12 895 ратников петербургского ополчения, участвовавших в заграничном походе русской армии, убитыми и пропавшими без вести числилось около 700 человек, около 7 тысяч умерло во временных, второлнейных, подвижных госпиталиях и полковых околотках, в Россию вернулись 6237 человек⁴⁵.

Утром 12 июня ополчение, ведомое генерал-майором Василием Васильевичем Ададуровым, вышло из Стрельны по Петергофской дороге. На 8-й версте дороги у дачи Н.П. Шереметева был привал. Там же, у дачи, герцог А. Вюртембергский «изволил принять начальство». Пройдя еще версту, ополчение было встречено управляющим Военным министерством, князем А.И. Горчаковым 1-м, который произнес краткую речь (она вскоре была опубликована). В начале 6-й версты, у дач нарвского купца, коммерции советника, одного из директоров Российско-Американской компании В.В. Крамера и гражданского губернатора М.М. Бакунина, ополчение «угощаемо было завтраком и разными прохладениями». Императрица Мария Федоровна, специально изменив свой маршрут следования в Павловск, выехала на Петергофскую дорогу и приветствовала воинов. В самом городе, как известно, ополчение выстроили вокруг Исаакиевского собора «в три фаса».

Двадцатого июня граф Ю.П. Литта препроводил к письму министру народного просвещения «проект Церемониала Торжественной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ встречи при случае благополучного возвращения ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА в Столицу»⁴⁶.

⁴² См.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 99. Л. 25, 76.

⁴³ См.: там же. Л. 313.

⁴⁴ Там же. Ф. 1284. Оп. 1. Кн. 77. Д. 370. Л. 257.

⁴⁵ См.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: сб. документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962. С. 203, 204.

⁴⁶ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 389. Л. 1-17 об.

И.А. Иванов. Возвращение Санкт-Петербургского ополчения на Исаакиевскую площадь. 12 июня 1814 г.

Гравюра очерком, раскрашена. 1814 г.

Хотя объем «проекта» многостраничный, тем не менее, за непосредственной связью его с постройкой триумфальных ворот на Петергофской дороге и с важностью показа видения встречи Александра I высшими должностными лицами империи – «*Сенат и народ Рима божественному Титу Веспасиану Августу*» – с этим документом следует познакомиться подробно.

Из преамбулы: «Блистательные успехи победоносного Российского воинства под мужественным предводительством, прославляемого и обожаемого нами и многими народами – ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НАШЕГО; чудесныя события нынешняго времени, уготованныя по благословению Божию, мудрость сего ГОСУДАРЯ прозорливостию и совершенныя твердостию Его духа, возбудили в народе, при общей радости и восторге, ревностное желание изъявить чувствования живейшей благодарности, явными доказательствами благоговения и верноподданнической преданности, к освященной особе ВЕЛИКАГО нашего ГОСУДАРЯ! – Виновнику Славы нашей и благоденствия!»

Воплощением «радости и восторга» всего русского народа и «торжества всей России» призвано было стать трехдневное празднество.

Новые триумфальные ворота были «задействованы» в день первый, самый торжественный и насыщенный.

«1. Перед торжественными вратами ныне сооружаемыми близ городской черты будут устроены вдоль по обеим сторонам дороги к петергофу четыре пространныя галереи (Tribunes) для помещения в оных поданным от комиссии билетам как дам из сословий дворянскаго и почетнаго купечества, так и разных мужеска пола особ, которые не будут назначены действующими в самой церемонии.

2. Подле сих четырех галерей устроятся еще две особыя возвышенныя галереи; так же по обеим сторонам дороги, но ближе к торжественным вратам. Одна из них что с правой стороны изготовится для ИМПЕРАТОРСКОЙ фамилии и ВЫСОЧАЙШАГО двора, другия же <...> для почтеннейшим дам и кавалеров, не участвующих в самой церемонии.

3. По обоим сторонам ворот и между скованными двумя галереями будут устроены два оркестра ступенями наподобие Амфитеатров для музыкантов. В одном из оных подле галереи, в которой находится будет ИМПЕРАТОРСКАЯ фамилия поместятся придворныя музыканты, певцы и певчия; в другой часть военной музыки, духовой и роговой.

4. При самом въезде Государя ИМПЕРАТОРА в торжественныя врата начнется пушечная пальба из орудий поблизости поставленных в удобном для сего месте; равным образом и из крепости, в ознаменование благополучнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА торжественнаго въезда в столицу, и в то же время по всем церквам колокольным звоном что и продолжается до самаго вшествия Государя ИМПЕРАТОРА в Соборный храм, и потом возоб-

новляется по выходе Государя ИМПЕРАТОРА из храма в продолжении шествия до Зимняго дворца.

5. Все Государственныя сословия, все Министерства, депутаты от дворянства всех Губерний в государстве, иногородное купечество, все департаменты, присутственные места, и избранныя от почетнаго купечества займут места свои при торжественных вратах по назначении от Комиссии.

6. Государственный Совет и Правительствующий Сенат станут при самых вратах вне оных по дороге к Петергофу назначенных для сего места, все другия чиновники и купечество поместятся по особому расписанию, так чтобы когда ход <...> начнется, все они могли бы в порядке по назначению следовать».

Согласно седьмому и восьмому пунктам «проекта», председатель Государственного совета «и старший сенатор» преподнесет императору «от имени всего Государства поздравление и благоговейное благодарение», главнокомандующий в Санкт-Петербурге – «поздравление от столицы», а городской голова – «на золотом блюде хлеб и соль».

Затем, под «пение музыкантов», церемония двинется «в назначенном порядке» от новых триумфальных ворот к украшенным «живописью и скульптурою» городским каменным воротам, у Обводного. Сразу за воротами – от кордегардии до сада генерал-фельдмаршала Д.Н. Салтыкова – устроена будет «оркестра» для военных музыкантов. Далее процессия двинется через украшенный Калинин мост и мимо Морской Никольской церкви к Сенной площади, затем свернет на Невский проспект и остановится у Казанского собора.

Особо отметим, что по пути следования предполагалось силами горожан или полиции вблизи домов протянуть веревки, «чтоб зрители ходе не препятствовали». Так как войска будут двигаться по правой стороне улиц, с левой их стороны «обыватели» могли «устроить с дозволения и под присмотром полиции возвышенныя в виде амфитеатра места для зрителей, расписав оные приличным образом или занавесив разными материями, как равно по примерам торжественных празднеств обыватели домов по тем улицам где имеет быть ВЫСОЧАЙШЕЕ ШЕСТВИЕ вывешивать должны по мере способов из окон своих богатыя ковры, штофы, парчи, бархаты, разноцветныя материи, гирлянды из искусственных цветов составленныя или сплетенныя из настоящей зелени. Оконныя сторы прилично расписанныя могут заменять разноцветныя материи, равномерным же образом и балконы должны быть украшены».

В «проекте» подробно расписывался порядок шествия. Во главе «высочайшаго шествия» – «конница с трубами и литаврами», за ней «церемониймейстер с жезлом из числа почетных чиновников в сию должность к сему торжеству Комиссиею назначенных», далее, за городским головой, *в ряд*, избранные депутаты от столичного русского и иностранного купечества, «чины от министерств и прочих присутственных мест». За вторым церемониймейстером – столичное дворянство, чиновники присутственных мест «по старшинству по два в ряд», снова церемониймейстер, за ним члены министерских департаментов и коллегий, депутаты от губерний, члены Сената, обер-прокуроры, Государственный совет (не указано, в полном ли составе) и статс-секретарь. За следующей, уже группой церемониймейстеров – «придворные экипажи, в коих сидеть будут по страшинству», придворные чины и 24 человека придворных в парадных ливреях, конный отряд гвардейцев. Когда пройдут «сороходы дворцовыя с их тростями», – «парадная дворцовая Золотая карета Заложная в 8 лошадей, в которой соизволит ехать ВЫСОЧАЙШАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ фамилия», дворцовая парадная карета «для принца и принцев», штатс-дамы и камер-фрейлины, «дежурные фрейлины», придворные кареты «для назначенных почтеннейших особ», «конница с трубами и литаврами», «трофеи, взятые у неприятеля», «везенныя конными военными нижними чинами преимущественно служившими» в войну 1812 г. и имеющими медаль.

Только после прохождения или проезда вышеуказанных лиц и карет появляется верхом «Августейший монарх» в сопровождении генерал-адъютантов и флигель-адъютантов, «и прочаго Генералитета по ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Соизволению».

Также предписано было, когда царь и *фамилия* будут приближаться к церквям, стоявшим по ходу следования процессии, «духовенство тех церквей должно выходить в полном облачении, со крестом и святою водою».

После богослужения в Казанском соборе шествие, согласно «проекту», завершится у Зимнего дворца, против которого на Неве будет стоять «императорская флотилия». После 101 выстрела из пушек военные трофеи отвезут в Казанский собор. Вечером – «спектакль по билетам».

Заключительный аккорд первого дня «вожделенного празднества» – раздача *народу* «в память сего благополучного события» серебряных жетонов. И «для спокойной и безопасной роздачи оных будет учрежден особый порядок», – подчеркивалось в «проекте».

Все три дня празднеств должен был звучать колокольный звон, и каждый вечер городу предстояло иллюминироваться.

Во второй и третий день торжеств новые триумфальные ворота уже никак не действовали.

Относительно участия в первый день торжественной процессии дня чиновников.

В стране «Генерального Регламента» важно не только построить *в ряд, по два*, но и знать заранее, кто из чиновников и «представителей творческой интеллигенции» намерен участвовать в приготавливаемой встрече государя императора, а кто не сможет и – немаловажно – по какой причине. «Здесь вам не Англия», – вслед за историографом Н.М. Карамзиным повторял литератор Н.И. Греч.

Возьмем для примера Министерство народного просвещения. Министр направил письма в подведомственные ему учреждения. О содержании писем можно судить по одному из них, в Академию художеств, от 17 июня⁴⁷. Так как при встрече императора, указывал министр, «положено находиться» «чиновникам всех Министерств и подведомственных оным мест», то руководству Академии предлагалось доставить «немедленно именной список всем чиновникам, к оной принадлежащим и могущим быть при сей церемонии, а ежели есть такие, которые по уважительным причинам не могут в оной участвовать, то приложить список и сим чиновникам, с означением причин, им в том препятствующих».

Списки поступили из Главного правления училищ, Императорской медико-хирургической академии, канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, Педагогического института, Цензурного комитета, столичной губернской гимназии и училища, от директора Императорской публичной библиотеки и др. Интересен рапорт из Академии наук⁴⁸. Согласно приложенным спискам, участвовать в церемонии встречи будут 14 чиновников, не смогут – 36. И указывались только две причины, по которым «не смогут»: «за слабостью здоровья» и «за неимением мундиров». Мундира не имел, например, титулярный советник Андреян Захаров.

Через несколько дней после рескрипта С.К. Вязмитинову министры проинформировали свои учреждения об отмене церемониала, «дабы Чиновники, назначенные к торжественной встрече, уже к оной не приготавливались». Текст рескрипта перепечатали «Московские ведомости».

Двенадцатого июля, поздно вечером, российский император прибыл в Павловск.

Утром, в понедельник, в семь часов утра Александр I был уже в центре столицы, «остановился у Казанского Собора, и там принес Богу благодарственное молебствие. Его Величество

⁴⁷ См.: там же. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 22422. Л. 3.

⁴⁸ См.: там же. Ф. 733. Оп. 86. Д. 389. Л. 19-21.

прибыл в столицу неожиданно, и потому встречен был у Собора немногими, случившимися вблизи»⁴⁹.

В час того же дня Александр I «без всякой свиты на обыкновенных парных дрожках» прибыл в свой дворец на Каменном острове. «У крыльца» генерала Романова ожидали «храбрые Его сподвижники», в частности: герцог А.-Ф. Вюртембергский, генерал-адъютант П.П. Коновницын, граф П.А. Строганов, генерал-лейтенанты князь И.В. Васильчиков, П.В. Голенищев-Кутузов, комендант крепости А.Я. Сукин, граф А.П. Ожаровский и А.И. Чернышев. Последние двое сопровождали Александра I в Англии.

Не было графа М.И. Платова – тот продолжал знакомиться с достопримечательностями Британии, отдыхал и только в конце июля, как писали газеты, отправился «на твердую землю». Спустя три года Матвей Иванович возведет в Новочеркасске («на войсковые средства») сразу двое каменных триумфальных каменных ворот – по случаю посещения города императором Александром Первым.

В будущем П.В. Голенищев-Кутузов станет графом, членом Государственного совета и Совета по воспитанию благородных девиц, инспектором кадетских корпусов, куратором Нижегородской ярмарки и членом «Комитета сооружения Триумфальных ворот в честь Гвардейского корпуса» на берегу Таракановки.

На второй день по прибытии царя состоялся торжественный молебен в Казанском соборе. По этому случаю Михаил Васильевич Милонов опубликовал «На всерадостнейшее сретение ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в С.Петербурге, при шествии Его в Казанский Собор Июля 14 дня 1814»⁵⁰. «Гряди... вослед Тебе, я вижу в восхищенье:/ Свобода общая, доверенностью людей, / Ликуют на земле покой и просвещение». «Император Александр и цесаревич Константин Павлович ехали верхами перед парадной каретою, в которой сидели императрица Мария Феодоровна и великая княжна Анна Павловна. Этою церемонией окончилось все торжество возвращения государя-победителя в свою столицу». Так считал Н.К. Шильдер⁵¹. И был прав. Через десять дней Синод, Государственный совет и Сенат собрались на «чрезвычайное Собрание» «для выслушания Высочайшего указа». Несколько страниц текста указа зачитал вернувшийся из Брухзаль генерал от кавалерии А.П. Тормасов. «Да соорудится Мне памятник в чувствах ваших, как оный сооружен в чувствах Моих к вам!» Прием «добровольных приношений» на сооружение памятника Александру I и изготовление медали *собрание* отменило, а текст указа объявило «во всенародное известие».

Но это отнюдь не означало, что после 14 июля не было никаких мероприятий, связанных с возвращением.

«Миновалась мрачная эпоха Корсиканца», и июля 16-го числа в Зимнем дворце «после безсмертных ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подвигов, удивляющих вселенную», губернский и уездный предводители дворянства, депутаты и «почтеннейшие» из дворянства, «в засвидетельствование верноподданического усердия и благоговения», во главе с С.К. Вязмитиновым, «имели щастие» поднести Александру I *хлеб и соль*. Золотые (84-й пробы) блюдо (диаметром более полуметра) и солонка исполнены были по «проекту» служившего на Фарфоровом заводе надворного советника Франца Ивановича Гатенбергера.

Книгопродавцы брата Свешниковы приглашали в свои лавки в Гостином дворе купить сочиненный (годом ранее) Г.Р. Державиным «Гимн лиро-эпический, на прогнание Французов из Отечества 1812 года, во славу Всемогущаго Бога, Великаго Государя, вернаго Народа, мудраго Вождя и храбраго Воинства Российскаго». А для того чтобы участники войны в своих будущих мемуарах и историки четко понимали различие между отечественной и зарубежной

⁴⁹ Сын Отечества. 1814. Кн. XXVIII. Второе прибавление. С. 1.

⁵⁰ См.: там же. XXX. С. 151-152.

⁵¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4-х т. 2-е изд. СПб, 1905. Т. 3. С. 248.

историографией и роль «мудраго Вождя» в истории, оперативно издали «Письменное наставление Наполеона, своему Историографу, как он должен писать его Историю».

17 июля в Павловске у императрицы Марии Федоровны состоялся многочасовой «праздник, по случаю заключения между Францией и прочими Европейскими державами вожделенного мира».

Между 15 и 19 июля в Петербург из Саратова возвратился действительный статский советник Елагин (о чем сообщила газета)⁵². То, о чем он узнал на волжских берегах и по дороге в столицу, было доложено его «благодетелю» и «милостивцу» Сергею Кузьмичу Вязмитинову, скорее всего, не «на бумаге». В перечне письменных документов (хранящихся в РГИА) на имя главнокомандующего в Санкт-Петербурге за вторую половину июля того года фамилия *Елагин* не встречается. Дело касалось не только *саратовского вопроса* (он к настоящему повествованию прямого отношения не имеет), – провинция наполнялась *новыми слухами* (слухи об освобождении крестьян «прорвались» еще весной 1813 г., после высочайших указов о роспуске смоленского и московского ополчений). Известие о том, что Александр I «продолжает отклонять от себя всякое изъявление общественной благодарности», воспринималось в городах и весях России «с сожалением, но без ропота»⁵³. Не это могло беспокоить управляющего Министерством полиции. Начались *толки* о грядущих с победоносным возвращением императора в Россию новых реформах.

Еще в середине апреля сенатор, адмирал Н.С. Мордвинов написал *из Саратова* члену Государственного совета В.П. Кочубею, что он представляет ныне «Россию готовую к принятию мер великих и достоинство времени какового она еще не имела»⁵⁴.

«В Александре проснулись либеральные идеи, очаровавшие начало его царствования», «накопились дел громады», – вспоминал о настроениях этих месяцев 1814 г. Н.И. Греч⁵⁵.

И еще, знамение было: на Петергофской дороге бык сам отвязлся, влез на второй этаж нежилого строения, издал «рык», и находившаяся вблизи на даче роженица благополучно разрешилась.

В двадцатых числах июля столичные купцы (через городского голову Думы) обратились к С.К. Вязмитинову с просьбой от имени всего *купеческого общества* «в последний день расшага, пред вступлением в Столицу» гвардейских частей, угостить «гг. офицеров» обедом за городом.

29 июля, за день до вступления в город, «в гостинице» на 7-й версте Петергофской дороги был дан «великолепный обед» на двести персон господам «Генералитету, Штаб и Обер-Офицерам» Гвардейского корпуса⁵⁶. На обеде присутствовал Александр I, где «соизволил принять угощение» «с отличным удовольствием» и повелел объявить *купеческому обществу* свое благоволение.

⁵² См.: Санктпетербургские ведомости. 1814. 21 июля. С. 613.

⁵³ См.: *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 725.

⁵⁴ См.: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 915. Л. 2.

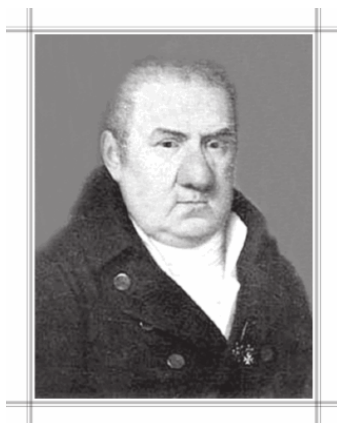
⁵⁵ См.: *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. С. 214, 217.

⁵⁶ См.: Северная почта. 1814. 22 августа.

II

Как известно, Дж. Кваренги исполнил два варианта триумфальных ворот на Петергофской дороге: один (считается, предварительный) в виде ворот-пропилеев дорического ордера, другой – в виде арки.

Еще при Екатерине II и при Павле I Джакомо Антонио Доменико Кваренги, уроженец округа Рота-д'Иманья, недалеко от Бергамо, прибывший по контракту в Петербург в самом конце 1779 г., был автором нескольких проектов городских и триумфальных ворот для Петербурга. В частности, ворот на Московской дороге, трех вариантов триумфальных ворот с башнями и кордегардиями, четырех вариантов ворот, связанных с итальянской кампанией русской армии и переходом ее через Альпы в 1799 г. Правда, эти проекты реализованы не были. Частично воплощенным оказался заказанный во время поездки архитектора на свою родину и одобренный муниципалитетом Бергамо проект триумфальных ворот в честь императора Франции и короля Италии Наполеона I в 1811 г. Арка была заложена, началось ее строительство. Но после того как Кваренги, не будучи подданным Российской империи, отказался вернуться по требованию вице-короля Италии Эжена де Богарне на родину, в сентябре 1813 г. суд Бергамо приговорил Кваренги (как и других «отказников») к гражданской казни и конфискации имущества. Построенную часть ворот разобрали.

Дж. Кваренги

Следует также добавить, что 1814 г. Кваренги составил проект храма-монумена 1812 г., храма-мавзолея героев 1812 г. для Москвы и проект собора-усыпальницы во имя Св. Александра Невского саратовских ополченцев для Саратова.

Я не ставлю задачу сравнить проекты Кваренги и их воплощение на Петергофской дороге в 1814 г. Поэтому укажу только, что акварели, офорты и чертежи вариантов однопролетных ворот, исполненных самим Дж. Кваренги (план, фасады, колесница Славы, аттик и др.), приведены в монографии Г.Г. Гримма⁵⁷, считавшего, что ворота-пропилеи предполагалось возвести у Калинкина моста, на берегу Фонтанки. Один из планов ворот приведен также М.Ф. Коршуновой⁵⁸.

⁵⁷ См.: Гримм Г.Г. Графическое наследие Кваренги. Л., 1962. С. 42-44, 143-145.

⁵⁸ См.: Коршунова М.Ф. Джакомо Кваренги. Л., 1977. С. 134.

*Дж. Кваренги. Триумфальная арка.
Главный фасад. Тушь, акварель*

Но об одном сказать необходимо. 30 июля 1814 г. у новых Триумфальных ворот не было упоминавшихся в «проекте» Комиссии по встрече Е. И. В. tribunes. Часть «несостоявшихся» трибун, у однопролетных ворот, мы можем видеть на акварели Дж. Кваренги.

План трибун есть на неподписанном и без даты документе, хранившемся, судя по штампу, в архиве Министерства императорского двора⁵⁹. По плану, трибуны начинались (правильнее – должны были начаться) с середины боковых фасадов ворот и вытягивались по обеим сторонам Петергофской дороги в сторону Обводного канала более чем на 90 метров. Трибуны были трех форм: сначала, от ворот, полукруглые в семь рядов, затем четырехрядные «почетные» крытые трибуны длиной чуть более 16 метров и открытые. Вход на полукруглые трибуны – со стороны «огородных мест» по лестницам, на остальные трибуны – со стороны проезжей части. По плану, ширина Петергофской дороги перед воротами – 11 сажень.

Помощником Кваренги во время строительства ворот на Петергофской дороге был каменных дел мастер Строительного комитета Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел, коллежский секретарь Осип Петрович Лукини.

Триумфальные ворота. Раскрашенная литография К.П. Бегрова по рисунку С.Ф. Шифляра. 1814 г.

Скульптурное убранство ворот исполнялось по эскизам художника XIV класса Ивана Ивановича Терebeneва.

⁵⁹ См.: РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1074. Проект трибун также можно видеть: *Коришнова М.Ф.* Указ. соч. С. 135.

Обязанности главного смотрителя «при работах» выполнял бау-адъютант Канцелярии С.К. Вязмитинова, майор лейб-гвардии Измайловского полка Иван Яковлевич Асосков, проживавший там же, в полку, в собственном доме.

Обязанности главы Комитета городских строений (за отсутствием министра А.Д. Балашева) исполнял С.К. Вязмитинов. Помощником правителя его Канцелярии служил губернский секретарь Василий Петрович Каплуновский (далее он не раз нам встретится).

Увы, в отличие от стасовских ворот у Нарвы, о которых в июле 1814-го дважды (в разделе «Смесь») сообщалось в газете и хоть с очень кратким, но их описанием (в основном информация касалась «кураторов» строительства)⁶⁰, то о воротах Кваренги в столичных газетах лета того года – ничего.

Неизвестный литограф. Нарвские ворота. 1824 г. По рис. И. Урениуса. Литография. Фрагмент

Имеются рисунки, литографии, гравюры, офорты, воспроизводящие вид Триумфальных ворот 1814 г.⁶¹ Одним из первых (если не первый) ворота изобразил С.Ф. Шифляр (его рисунок литографировал К.П. Беггров). Другое, наиболее известное изображение ворот принадлежит S. Urenius в альбоме литографий «Виды новых строений общественных, украшений, игр и прогулок в Екатерингофе...» (1824 г.).

Об Урениусе известно крайне мало. «Инженер-архитектор, рисовальщик», имел статский чин. В 1821-1825 гг. Осип Яковлевич Урениус служил чертежником в Депо карт и планов Совета путей сообщения Главного управления путей сообщения.

Нижеприводимое описание Триумфальных ворот 1814 г. составлено мной не на основании их «прижизненных» графических изображений, но только на основе различных архивных документов 1814-1829 гг.⁶²

Однопролетные триумфальные ворота имели: ширину 20,1 м, длину бокового фасада – 8,6 м, ширину пролета – 5,7 м, высоту пролета – 10 м. Высота ворот «от горизонта» до поверхности крыши составляла 16 м, «а с колесницею Славою» – 19,4 м.

Заложены были ворота *на ступлях* — вкопанных «до материка» коротких столбах (или сваях). Поверх *ступлев* положили нижнюю *обвязку* из 7-вершковых бревен. Затем поставили и закрепили железными скобами 30 столбов-колод (*стоек*) из 5-вершковых бревен. По ним

⁶⁰ Первое см.: Санктпетербургские ведомости. 1814. 21 июля. Первое прибавление. С. 610.

⁶¹ См., например: Собрание планов, фасадов и разрезов примечательных зданий С.-Петербурга. СПб.: Общество поощрения художеств, 1826. Л. 32; *Granwill A.B.* St. Petersburg. A Journal of travels to and from Capital. London: Henry Colburn, New Burlington Street, 1829. Vol. II. S. 396-397.

⁶² См.:

шла вторая обвязка из 6-вершковых бревен. Под карниз закрепили второй ярус стоек. Далее – третья обвязка и третий ярус строек под аттик, четвертая обвязка и стропила для крыши.

Все фасады ворот обшили (по стойкам) досками. В нижней части строения (где возвышались тумбы для круглой скульптуры) доски имели толщину 6,3 см, по всей остальной части строения – примерно в два раза тоньше. *Порезки* – рельефные декоративные элементы, составившие зубчатый орнамент, – по всем карнизам были лепными.

На лицевых и боковых фасадах возвышались на деревянных выступах (плинтах) 12 колонн «композического ордена» (т. е. ордера, соединявшего структурные элементы нескольких античных ордеров). Базы, абаксы, капители и валики колонн – «гипсовые лепной работы».

Наружные стены от основания ворот до поверхности крыши были оштукатурены и покрыты «диким колером». Крышу, карнизы, верх капителей, пьедесталы скульптур покрыли листовым железом и выкрасили «на масле» тем же «колером».

Колонны (оштукатуренные до капителей), карнизы, фриз и импост раскрасили «под мрамор».

По стенам под *импостом* (горизонтальным выступом над капителями колонн) закрепили 38 розеток («розетт») и 50 «живописных» розеток – в кессонах («касетонах») пролета арки. «Большой карниз» украшали 140 лепных медальонов.

В пролетах ворот было два противоположных входа.

Войдя в ворота с правой стороны (если идти «от Петергофа») и поднявшись по 74-ступенчатой лестнице с поручнями, посетитель попадал в «большое зало» с двумя световыми «люками», закрывавшимися листовым железом. Из «зало» две приставные лестницы (в 18 и 12 ступенек) вели на крышу, 7-ступенчатая приставная лестница из третьего люка вела на карниз. Внизу под «большой лестницей» был «обделан» чулан, с дверью на петлях «с накладкою».

Войдя в ворота с левой стороны, посетитель попадал в другой «покой», высота потолка в нем достигала 3,9 м. «Покой» имел две филенчатые, створные, на коленчатых петлях, двери с двумя железными задвижками и двумя замками «тульской работы» с медными ручками. Снаружи над дверями, покрашенными белой масляной краской, установили кронштейны и гипсовые лепные суппорты с порезками. Стены покоя побелили «на клею».

Оба «покоя» имели дощатые полы и стены, обитые досками.

«В пристойных местах» по углам и в пролете ворот вкопали в землю, в качестве дорожных тумб, двадцать чугунных пушек, предоставленных Артиллерийским департаментом Военного министерства.

Лотки («дождевые канавы») по обеим сторонам Петергофской дороги от ворот в сторону Таракановки на протяжении почти сорока метров заключили в трубы и покрыли их продольным деревянным настилом (на что ушло 284 доски).

«Украшения, составляющие триумф», представляли собой следующее.

Между колонн, на деревянных пьедесталах с лепными, покрашенными белой масляной краской, порезками, были поставлены шесть гипсовых фигур, каждая высотой 2,8 м. По обоим фасадам («от Петергофа» и «от Петербурга») с правой стороны «изображались» *Полнота Славы* и *Героическая Добродетель*, державшие в руках молнию («Перун»), с левой – *Любовь к Отечеству*, державшая венки.

В «косых углах» (тимпанах) поместили четыре гипсовые Славы, державшие в одной руки венки. (Эти Славы для петербуржцев были узнаваемы: к осени 1812 г. точно такие же фигуры летящих Слав, выполненных И.И. Терещенковым, были установлены по сторонам арки центральной башни и на фасаде левого павильона Адмиралтейства).

***И.И. Тербнев. Летящая Слава. Фрагмент фасада Адмиралтейства.
Фото автора, 2013 г.***

На карнизе над каждой колонной поставили на тумбах двенадцать гипсовых фигур двукрылых Слав, обеими руками державших копыя с двойными венками. Каждая фигура имела высоту около 2,5 м.

На крыше ворот установили, закрепив железными скобами, шесть гипсовых коней и покрашенную белой краской деревянную колесницу с барельефом Славы. Стоявшая в колеснице 2,8-метровая двукрылая гипсовая фигура олицетворяла *Победу*. В правой руке Победа держала венок, в левой руке – оливковую ветвь.

Относительно *Слав*, *Слав*ы, *Победы* и атрибутов, которые они держали в руках, следует сделать как пояснения, так и уточнения. Последнее связано, в частности, с тем, что в советской искусствоведческой (и иной) литературе фигуру, стоявшую на колеснице, «на шести пламенных конях», вслед за П.П. Свиным (1828 г.), называли то *Гением Мира*, то *Славой-Победой* «с шестью конями», а летящие Славы – *Гениями слав*ы.

Нарвские триумфальные ворота. Фрагмент. Фото автора, 2013 г.

Современники Кваренги и Тербенева различали *Славу* и *Победу*, а *гении* у Слав отсутствовали по определению (античному).

Как известно, древнегреческое «слава» имело несколько значений-синонимов. У греков в ранний период их истории доминировала *Kleos* – словесное возвеличивание подвигов, главным образом спортивных и военных, – и только с *Kleos* связывалась идея непреходящей славы. Изображалась она или в образе женской крылатой фигуры с венком в руке, или в образе богини победы *Nike* – как правило, с крыльями и венком, управляющей квадригой с мечущим молнии Зевсом или стоящей на двухконной колеснице.

Для римлян (республиканского периода) *Gloria* – это признание согражданами заслуг того или иного лица перед государством (и *Gloria* никогда не употреблялось по отношению к женщине). По представлениям римлян эпохи императоров, это признание уникальных деяний. *Gloria* изображали с трубой, а аллегорическую фигуру Славы *Fama* (персонификацию молвы и репутации) – с пальмовой ветвью. Богиня *Победа* (обычно изображавшаяся как олицетворение победы императора), иногда сопровождаемая *Gloria*, спускалась на землю, чтобы надеть венок на победителя в военном или ином состязании. Над легендарным Горацием Коклесом, спасшим Рим от захвата этрусскими войсками Ларса Порсенны, парит фигура Победы, готовая увенчать его лавровым венком⁶³. Плиний Старший пишет, что во времена Веспасиана на

⁶³ Ливий, 2:10; Плутарх, 6:16.

Капитолии находилась картина Никомаха, которую посвятил (Юноне) полководец (imperator) Планк, – *Победа, мчащая квадригу* ввысь⁶⁴. И он же: «Колонны означают возвышение над прочими смертными, что выражают и арки...»⁶⁵.

Наконец, *Мир*, празднующий окончание войны, трактовался в том числе и как результат миротворческих качеств правителя или государственного деятеля. Изображался *Мир* в образе женской фигуры, обычно крылатой, державшей оливковую ветвь, которая являлась античным символом мира и атрибутами персонифицированного мира и *Золотого века*.

Троянец Эней, заключивший в долине Тибра, в месте, где в будущем возникнет Рим, союз с враждебным ранее троянцам царем Эвандром, передавал его сыну оливковую ветвь. И общеизвестное, что пришедшие встретить Христа при входе его в Иерусалим иногда изображались держащими ветви оливы.

Ранее уже упоминался прием в Зимнем дворце 16 июля, когда императору преподнесли золотые блюдо и солонку, на которых имелись росписи по эмали.

Было опубликовано описание сюжетов росписей, с трактовкой атрибутов⁶⁶. Так, лавры, пальмы, маслины и цветы (для автора 1814 г.) означали символы кротости и милосердия, воинские доспехи – символы верноподданнического служения. Молнии – символ власти, рог изобилия – «знак благоденствия достигнутого вождельным миром». Трудолюбие изображалось «в виде Цереры». Присутствовали в описании также «жертвоприношение Авраамово», Кастор и Поллукс, *гении* «в светозарных облаках» и др.

Как считает исследователь творческого наследия Кваренги, при проектировании им городских ворот и триумфальных арок 1780-х гг. и 1814 г. архитектор обращался к композиционной идее римской триумфальной арки императора Тита⁶⁷.

Автор имел в виду однопролетную арку Тита Флавия Веспасиана на Священной дороге (Via Sacra), ибо существовала еще и трехпролетная арка Тита у Большого цирка.

Действительно, если посмотреть на однопролетную арку Тита, приобретающую *нынешний* вид после реставрации и частичной достройки в 1821 г., *спустя четыре года после смерти Кваренги*, и изображенную полуразрушенной и встроенной в крепостную стену, например на картинах А. Каналетто или Ш.-Л. Клериссо 1740-х гг., то увидим то, что присутствует и в арке Кваренги. А именно: по две летящие Славы в тимпанах, колонны композитного ордера, барельефы, кессоны, розетки, импост, порезки. И сюжет одного из сохранившихся барельефов: триумфальная процессия с трофеями из храма после осады и взятия римлянами Иерусалима летом 71 г. «Сам же он проследовал к воротам, названным триумфальными, вследствие того, что через них всегда проходили триумфальные процессии. <...> Множество людей несло статуи богини Победы, сделанные из слоновой кости и золота. После ехал Веспасиан, за ним Тит» (Иосиф Флавий)⁶⁸. И посвятельная надпись в средней части аттика.

Сравним. «Сенат и народ Рима божественному Титу Веспасиану Августу, с[ыну] божественного Веспасиана» – «Победоносной Российской ИМПЕРАТОРСКОЙ Гвардии жители столицы града Святого Петра от лица признательного отечества. Июля 30 дня 1814 года».

Возможно совпадение, но в опубликованных в летние месяцы того года стихотворениях «на приезд» Александр I сравнивался именно с императором Титом. «*Ты Россов, Тит, Герой, Отец!*»

⁶⁴ Плиний Старший. Естествознание. XXXV. 109. Какой именно Луций Планк (или безымянный победитель в заезде колесниц) мог посвятить картину, – вопрос открытый.

⁶⁵ Там же. XXXIV. 27.

⁶⁶ См.: Санктпетербургские ведомости. 1814. 21 июля. С. 603.

⁶⁷ Пилявский В.И. Проекты триумфальных сооружений Д. Кваренги в России // Архитектурное наследство. Л., 1980. № 28. С. 71-79; Пилявский В.И. Джакомо Кваренги: Архитектор. Художник. Л., 1981. С. 206.

⁶⁸ Иосиф Флавий. Иудейская война. Книга шестая. 4, 5.

Всего на фасадах ворот было семь надписей, выполненных золотой поталью. *«Приличные надписи украшают оныя»*, – писала о воротах «Северная почта»⁶⁹. Под карнизом между колоннами перечислялись полки гвардии, включая Морской экипаж. И перечислялись в порядке, «по собственноручному назначению» Александра I.

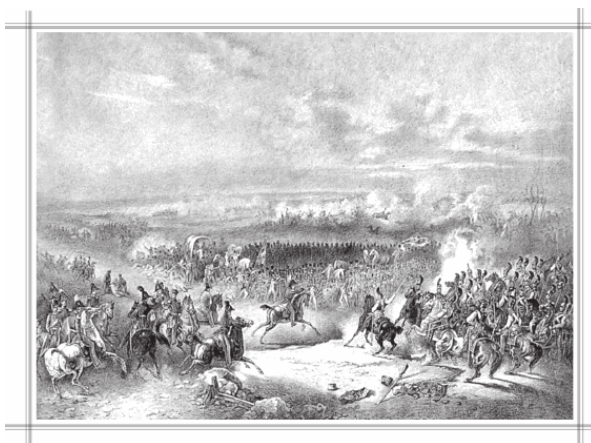
Порядок перечисления гвардейский полков сохранился на стасовских Воротах 1834 г. почти без изменений. Добавили «Артиллерийская бригада».

Для иностранцев и «гостей столицы», не владеющих русским языком, посвятельную надпись продублировали «латинскими словами». Это не ирония, так считали устроители ворот.

Также на двух языках в 1814 г. была надпись на противоположной стороне аттика: «Победителям при Кульме, Лейпциге, Фер-Шампенуазе, Париже». Действительно, такие топонимы, как Тарутино, Малоярославец, Красное, ничего не сказали бы иностранцам, а так – *«чтобы помнили»*.

Россиянам же тех лет, читавшим и перечитывавшим в газетах реляции, рескрипты, рапорта, «Парижские письма» и частные письма с театров боевых действий 1813-1814 гг., два первых топонима были хорошо знакомы. С Парижем понятно. Но по какой причине прославлялось сражение при Фер-Шампенуазе наравне, получается, с лейпцигской «Битвой народов»?

Действительно, ни по масштабности, драматичности, напряженности, кровопролитности, значимости сражение (точнее, два сражения в течение одного дня) 13 (25) марта в окрестностях селения Фер-Шампенуаз в более чем ста верстах от Парижа не может сравниться со сражениями при Кульме или Лейпциге. Более того, в тот мартовский день русские *пехотные* гвардейские или армейские полки участия в сражениях не принимали. «Наша пехота не сделала ни одного выстрела и только шла вслед за конницею <...> Из генералов главная честь победы принадлежит графу Палену»⁷⁰. Французские национальные гвардейцы, пехотинцы и рекруты сражались против нескольких русских гвардейских и армейских *конных* полков и конной артиллерии, а также союзных войск.

**К. Геллер. Сражение при Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г.
С оригинала Б.П. Виллевальде. 1842 г.**

О ходе боевых действий в течение дня 13 марта, численности войск сторон и их потерях можно узнать из самых разных доступных источников. Стоит только отметить, что сам Наполеон со своей главной армией в сражении не участвовал, находился достаточно далеко от Фер-Шампенуаза.

⁶⁹ Северная почта. 1814. 1 августа.

⁷⁰ Михайловский-Данилевский А. Описание похода во Франции в 1814 году. СПб., 1836. С. 201.

Читатель 1814 г. мог узнать об этом сражении, например, из «Сына Отечества». Но очень немного. И только из 14-й книжки (десять строк из семидесяти шести раздела «Действия во Франции»; освобождению Бордо маршалом Бересфордом газета посвятила две с половиной страницы) и из двух *прибавлений* к 15-й книжке. «Оставленные Наполеоном при Монмирале корпуса для прикрытия *Парижа*... совершенно разбиты 13 Марта при *ла фер Шампеноаз*. Тоже постигло две дивизии Макдональдовой армии, шедшие к Наполеону. <...> Союзные армии преследуют остатки сих войск». «В сем сражении участвовали корпуса *Мортье, Удино, Макдональда* и *Мармонта*, всего в числе 50,000 чел. *Блюхер* атаковал их с левого крыла и с тылу. <...> Бонапарте, узнав о сем поражении, двинулся было для прикрытия Парижа, но слишком поздно». «После сего сражения, неприятеля жарко преследовали»⁷¹. Во всех трех случаях перечислялись трофеи.

«Московские ведомости» сообщили о сражении 13 марта в середине апреля, однако без указания, где оно произошло. Также перечислялись трофеи. Упоминался убитый «на виду» Его императорского величества флигель-адъютант Рапатель. Цесаревич Константин Павлович «особенно отличился», «и все вообще покрылись неувыдаемою славою»⁷².

Из той же газеты москвичи узнали, что 6 апреля в петербургском Казанском соборе «было благодарственное Господу Богу молебствие, по случаю полученного здесь известия о знаменитой победе, одержанной союзными войсками над Французами 13-го Марта при Фер-Шампенуаз». Перед началом церковной службы управляющий Военным министерством «читал известие об оной победе». Было и еще одно сообщение из столицы о том, что 1 июля «Благородное и купеческое Сословия имели щастие» поднести великому князю Константину Павловичу «во изъявление усердия и глубочайшей благодарности своей» золотое с вензелем цесаревича. Ко всему, от лица столичного дворянства и купечества принято предложение «обратить в пользу изувеченных воинов в делах под Фершампенузом и при занятии Парижа» 100 тысяч рублей⁷³.

Читатель следующего века, например из «Советской военной энциклопедии», узнавал, что «сражение показало высокие боевые качества русской кавалерии. Однако поспешные и несогласованные действия авангардов и главных сил, слабая организация разведки не позволили союзникам полностью разгромить корпуса Мармона и Мортье».

Наконец, в известном юбилейном, 1912 г., сборнике изданных за сто лет гравюр, литографий, рисунков и акварелей в разделе «Исторические картины из жизни императора Александра I» есть «картины» сражений под Дрезденом и Лейпцигом, под Фер-Шампенуазом – ни одной⁷⁴.

К слову, на следующий день после сражения при Фер-Шампенуазе Наполеон наголову разгромил при Сен-Дизье русский корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Винцингероде...

Догадаться или понять, почему «прославляется» Фер-Шампенуаз, российский читатель (именно *читатель*, а не участники сражения или иные *знающие* лица) мог спустя двадцать два года после завершения военной кампании. Приведу короткую выдержку из многостраничного описания этого сражения. «Чтобы лишить неприятелей всех способов к спасению, Государь приказал Корфу окружить их <...> Когда картечные выстрелы конной [артиллерийской] роты начали вырывать ряды Французской колонны и в ней [было] замечено колебание Государь отдал повеление атаковать ее; но в то мгновение, как кавалерия хотела врубиться, неприятель положил оружие. Тогда император велел истребить другую колонну <...> Генерал-лейтенант Депрерадович, прибывший из авангарда с кавалергардским полком и четырьмя

⁷¹ См.: Сын Отечества. 1814. Кн. XIV. С. 1-3, 6-8; там же. Кн. XV. Первое прибавление. 11 апреля. С. 1; там же. Второе прибавление. 12 апреля. С. 2.

⁷² См.: Московские ведомости. 1814. 15 апреля. С. 719.

⁷³ Там же. 18 апреля. С. 749; там же. 22 июля. С. 1428, 1429.

⁷⁴ См.: *Синягин Н.К.* Материалы к истории императора Александра I и его эпохи. Вып. I. Иконография. СПб., 1910. С. 45-48.

орудиями гвардейской конной артиллерии, отрезал им отступление <...> Послали требовать сдачи <...> Французы оставались непреклонны и стреляли по переговорщикам». Был убит флигель-адъютант Александра I. «Тогда кавалергарды, лейб-улань и лейб-казаки, вместе с конницей Корфа, Васильчикова и Бороздина <...> врезались в каре и смяли его.

Государь въехал в каре вместе с атаковавшею конницею»⁷⁵.

То есть именно *в этом* сражении Александр I не только отдавал приказы «окружить», «атаковать» и «истребить», но и лично участвовал в кавалерийской атаке. Да не как Николай Ростов под Шенграбенем, а врезавшись в каре, как император, сочетавший «премудрость Соломона и крепость Давида».

Я не случайно подчеркнул: привожу те факты о Фер-Шампенуазе, которые могли знать «рядовые петербуржцы», а не участники военной кампании 1814 г.

Когда генерал А.П. Ермолов поздравил Александра I с победой при Фер-Шампенуазе, император торжественным тоном ответил: «От всей души принимаю ваше поздравление, двенадцать лет я слыл в Европе посредственным человеком; посмотрим, что она заговорит теперь»⁷⁶.

Прославление ординарного, по сути, сражения могло трактоваться и как своего рода «*Малая земля*» императора всероссийского, помазанника, неутомимого борца за мир во всем мире.

⁷⁵ Михайловский-Данилевский А. Указ. соч. С. 197-201.

⁷⁶ Цит. по: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 67.

III

Торжественный вход гвардейских войск в столицу 30 июля назначили на четыре часа дня. Скорее всего, в первой половине дня для унтер-офицеров и нижних чинов в казармы были завезены «белые хлеба и вино».

В тот день «Сын Отечества» сообщил, что четыре полка гвардейских кирасиров и две артиллерийские роты под командованием генерала от инфантерии графа М.А. Милорадовича «прошли через Берлин».

«Неоднократный дождь и ветер угрожали торжественному дню; но около 4 часов облака рассеялись, небо прояснилось...»

По обобщении материалов о торжественном прохождении гвардейских войск 30 июля, как в опубликованных, так и не опубликованных источниках⁷⁷, можно составить следующую картину.

В столицу приготовились вступить лейб-гвардии полки Преображенский, Семеновский, Измайловский и Егерский, Гвардейский экипаж, лейб-гвардии 1-я батарейная артиллерийская великого князя Михаила Павловича и 2-я легкая артиллерийская роты и артиллерийская команда Гвардейского экипажа. Выстроились войска по Петергофской дороге, начиная от левого берега Таракановки.

Примерно в четыре часа дня Александр I и великие князья «с блистательною свитою» въехали на Таракановский мост.

Грянула военная музыка, раздалось громогласное ура! «Александр Избавитель» объехал войска и через четверть часа возвратился к мосту. Перед дачей тайного советника Нелидова (это указано в газете) Александр I стал ожидать прибытия императрицы Марии Федоровны и великой княжны Анны Павловны. Когда императору доложили, что они уже проехали (в открытой карете) «городские ворота», Александр I выехал приветствовать Марию Федоровну. Затем вернулся к войскам, встал впереди Преображенского полка и вступил сквозь новые Триумфальные ворота. После подъехал к карете Марии Федоровны и наблюдал за прохождением войск. Командовал войсками цесаревич. Присутствовали великие князья. По сторонам Петергофской дороги «тысячи народа» смотрели на парадный марш из окон и с крыш домов и дач, из-за изгородей садов, с деревьев и со скатов бревен дровяных складов. Войска проследовали в свои казармы.

В шестом часу вечера снова пошел дождь. После на небе показалась «слабая радуга».

Это то, что мы можем узнать из столичной и московской прессы 1814 г.

Когда в публикациях (от монографий до «электронных» рефератов) упоминают или описывают вступление войск гвардии 30 июля, то обязательно (и правомерно) приводят выдержки из воспоминаний декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина. Однако без надлежащих – для научных публикаций – уточнений и комментариев.

Известно, что часть своих воспоминаний, в которых содержится ниже приводимый эпизод, И.Д. Якушкин продиктовал своему старшему сыну спустя сорок лет.

После высадки Семеновского полка в Ораниенбауме И.Д. Якушкин «получил позволение уехать в Петербург и ожидать там полк». В городе остановился у однополчанина (или *одноипажника*, а не *однокашника*, как ошибочно, не сверяясь с комментариями С.Я. Штрайха, публикуется почти во всех изданиях) Ивана Николаевича Толстого (1792-1854). Вместе они отправились на Петергофскую дорогу «взглянуть на 1-ю гвардейскую дивизию, вступающую в столицу».

Оба были во фраках. Важнейшая деталь!

⁷⁷ См.: Северная почта. 1814. 1 августа; Русский инвалид. 1814. 1 августа; Московские ведомости. 1814. 8 августа. С. 1547.

Ж. Вивьен. И.Д. Якушкин. 1823 г.

Для столицы того лета одетые во фрак офицеры были «зрелищем» совершенно новым, не виданным со времен Павла I. Более того, с октября 1811 г. запрет ношения партикулярного платья, под угрозой «выписки из гвардии», стал касаться также подпрапорщиков и юнкеров. По вступлении союзных армий в Париж Александр I разрешил офицерам одевать фраки во избежание «столкновения с французами». «Были люди, которые в этом видали начало торжества гражданственности: по их мнению, сам меч уничтожил царствие меча»⁷⁸. Но «начало торжества» длилось недолго. С ношением офицерами гражданского платья командные чины стали бороться уже вскоре по возвращении армии. Как-то (случай чуть поздний) в один из апрельских дней подпоручик Ржевский (Семеновский полк), «рапортуясь больным», вышел погулять на улицу в партикулярном платье, попался на глаза полковому командиру и приказом по корпусу был арестован на месяц.

Якушкин и Толстой оказались недалеко от кареты, в которой сидели императрица Мария Федоровна и великая княжна Анна Павловна.

И тут происходит тот самый эпизод. В главной роли – «Избавитель Европы» и новоиспеченный доктор права Оксфордского университета.

«Наконец показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей. Мы им любовались; но в самую эту минуту почти перед его лошадью перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя»⁷⁹.

С.П. Мельгунов так прокомментировал эпизод: «Блестящий маневр» – опустить обнаженную шпагу перед государыней императрицей – «по всем правилам искусства не удался, и это взорвало всегда столь сдержанного Александра»⁸⁰.

Это не Англия...

К слову, той весной «во всех книжных лавках» Петербурга и Москвы продавалось «полное творение» Монтескье в четырех частях «О духе законов». «Сын Отечества» опубликовал выдержки. Одна из них: «Нравы Государя благоприятствуют свободе столькоже, как и законы: подобно им, он может делать из людей скотов, и из скотов людей»⁸¹.

⁷⁸ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 727-728.

⁷⁹ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / Ред. и комм. С.Я. Штрайха: репринтн. воспр. изд. 1951 г. СПб., 2007. С. 8-9.

⁸⁰ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 44.

⁸¹ Сын Отечества. 1814. Кн. XIX. С. 265.

О масти лошади императора в тот день. Рыжей масти были лошади лейб-гвардии 1-й Его величества батареи конной артиллерии (шеф – генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев). И рыжей была общая полковая масть лошадей лейб-гвардии Кирасирского Ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка.

О тех, кто 30 июля входил в Триумфальные ворота.

Сразу отвечу на возможные в связи с этим два вопроса.

Участвовали ли в торжественном марше все, числившиеся по гвардейским полкам согласно штатному расписанию? Например, в Преображенском полку на конец декабря 1813 г. состояли: командир полка, два генерал-лейтенанта, четыре генерал-майора. Полковники, капитаны, штабс-капитаны, поручики, подпоручики, прапорщики. А также – аудитор, квартирмейстер, полковой и два батальонных лекаря. Утверждать об участии в марше 30 июля последних – затруднительно.

Второй вопрос. Это были *все те же* гвардейцы, которые вошли в Париж 19 марта и находились во Франции до отплытия в Россию?

Нет.

По получении приказа гвардейским частям о морском маршруте возвращения находившиеся на марше больные военнослужащие были отправлены обратно в Париж. Часть военных осталась за границей для дальнейшей службы.

Если просмотреть приказы по гвардии, за подписью Александра I, в период с мая по конец июля 1814 г., то некоторые офицеры были «уволены в отпуск» («до излечения болезни», как командир лейб-гвардии Егерского полка К.И. Бистром, «за болезнями», «для раздела имения», «для приведения имения в порядок»). Некоторые увольнялись от службы «за полученною раню» (с присвоением очередного звания и «с мундиром»), переводились «за болезнями» в гарнизоны. Исключались из списков полков умершие в мае—июле.

Уже после высадки у Ораниенбаума некоторые офицеры брали отпуск и уезжали из полков.

Кстати, были и офицеры, приехавшие в Петербург до того, как их гвардейские полки встали на рейде Кронштадта. В начале июля из Риги – полковник Преображенского полка, адъютант Ревельского военного губернатора В.И. Воронов (одновременно с ним и сенатор, граф М. Огинский). Позднее, из Дерпта, полковник лейб-гвардии Измайловского полка П.Л. Нагель.

Если просмотреть опубликованные списки приехавших в Петербург в период 5-29 июля, то увидим генералов от кавалерии Ф.П. Уварова и А.П. Тормасова, командира Малороссийского кирасирского полка, участника сражений под Кульмом и Лейпцигом, генерал-майора А.А. Протасова, подполковника бывшего Санкт-Петербургского ополчения Черноевича.

Прибыли в столицу из других городов некоторые генерал-губернаторы, губернские и уездные предводители дворянства, командиры и шефы полков, отставные генералы и полковники.

Всего на один день опоздал к торжеству 30 июля *примчавшийся* в Петербург из Пензы Ф.Ф. Вигель, под влиянием *общего чувства* «хотя [бы] на минуту вблизи посмотреть на него [Александра I. – В. Х.] и услышать его голос». Спустя годы Вигель написал: «Телохранители, сотрудники, сподвижники Александра сделались в это время его любезным семейством; им предоставил он все торжество, его ожидавшее. Чрез триумфальные ворота, хотя деревянные, но богато изукрашенные <...> не хотел он сам въезжать, а чрез них им велел вступить»⁸².

⁸² Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 728.

Д. Доу. Генерал-майор К.И. Бистром. 1820-е гг.

Кому император «повелел» пройти через Триумфальные ворота, гадать не будем. Ранее уже перечислялись некоторые из тех, кто встречал императора у дворца на Каменном острове 13 июля. В течение июля в Петербург из-за границы прибыли генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев, состоявший по армии генерал-лейтенант князь Д.М. Волконский, вице-адмирал А.С. Шишков, свиты Е. И. В. генерал-майор Н.И. Селявин (участия в боевых действиях 1812 г. не принимал, в заграничном походе являлся дежурным генералом Главного штаба), два флигель-адъютанта (оба гусарские полковники).

...В июле «Санктпетербургские ведомости» трижды публиковали объявление о подписке, причем только в Берлине и в Петербурге, на *большой аллегорический и исторический эстамп* «Освободители Европы» королевского придворного живописца и ректора Берлинской академии Ф.Г. Вейта. Одновременно давалось обширное «содержание» эстампа⁸³.

В центре триумфальной колесницы стоит Александр I, по бокам его – австрийский император и прусский король, все подают друг другу руки. Перед четырьмя белыми конями – *Религия, Правосудие* (этой фигуре автор эстампа вложил в руки меч), *Постоянство* и *Умеренность*. Они открывают шествие от храма Славы к храму Согласия. По сторонам и позади колесницы – верховые, среди них – лорд Веллингтон, фельдмаршалы Блюхер, Шварценберг, Барклай де Толли, из русских генералов – Милорадович, Остен-Сакен, Платов, Беннигсен, Чернышев, Винцингероде... Впереди колесницы «с высот взирают на шествие Ироев безмертные [так в тексте. – В. Х.] Кутузов и Моро, обнявшись». «Над колесницею парит Слава и Победа, с тремя лавровыми и пальмовыми венками». И подписная цена: четыре червонца или 50 рублей государственными ассигнациями.

Насчет общения покойных военачальников – это не фантазия. В июле того года всего за 1 руб. 50 коп. продавались в столице «Разговоры в царстве мертвых между Великими мужами: Суворовым, Багратионом, Кутузовым и Митрополитом Платоном».

Но если бы действительно покойные генерал-фельдмаршал и французский генерал на русской службе, слившись в объятии, смотрели 30 июля с небес на прохождение гвардии, то они отметили бы, что оно прошло без замечаний и последующих наказаний провинившимся гвардейцам со стороны царствующего «Вождя планет».

Вопрос, *как* прошли, немаловажен. Дело в том, что и в исторической литературе (последних десятилетий) словосочетания «парадомания», «бессмысленный фронт» или «шагистика» и т. п. заслуженно применяются к Петру III, Павлу I или Николаю I, но *кроткий* Александр I выпадает из этого ряда. А зря, многие говорили и многое говорит, что – достоин.

⁸³ См.: Санктпетербургские ведомости. 1814. 21 июля. С. 611; там же. С. 631. Описание также дано в: *Сиягин Н.К.* Указ. соч. С. 49-50.

Из дневниковой записи дежурного генерала Главного штаба А.А. Закревского (1815 г.): «Вступили в Париж 2-я кирасирская и 3-я гренадерская дивизии с 4-мя артиллерийскими ротами. Государь арестовал» командиров двух полков и одного подполковника и посадил их «на Аглицкую гаубтвахту за то, что полки дурно прошли»⁸⁴. Замечания за «дурное прохождение» церемониальным маршем продолжались отдаваться в приказах по Гвардейскому корпусу и в последующие годы. Александр I собственноручно написал приказ по результатам смотра гвардии 16 мая 1819 г. и относительно Семеновского полка отметил: «Надлежащей тишины в шеренгах не было, много колен было согнутых, ногу подымали не ровно, носки были не вытянуты», а офицеры Московского полка «шпаги дурно и не ровно держали». Три годами ранее была установлена скорость шага: при тихом марше – не более 75 и не менее 72 шагов, а при скором – не более 110 и не менее 107 шагов в минуту⁸⁵.

Попробуйте сейчас пройти при погрешности в скорости «три шага» хотя бы в одном пехотном кивере, который, по словам одного офицера александровской эпохи, есть «кожаная, обтянутая сукном кадушка с разными металлическими прибавками», притягиваемая к подбородку так, «что у другого глаза выпучивались»!

День 30 июля заканчивался. На Петергофской дороге, на «съезде», у Лифляндских, или, как вскоре их будут называть, «старых Триумфальных», ворот и на гауптвахте при них продолжал нести службу суточный наряд – караул.

В этот день, скорее всего, выполнение одной из главных обязанностей состава караула – запись всех приезжающих в город – было откорректировано. О порядке несения караула на заставе можно узнать из «Записок декабриста» А.Е. Розена⁸⁶. У шлагбаума унтер-офицер останавливал экипажи и *расспрашивал* проезжающих: фамилия, звание, откуда и куда следуют, и записывал ответы. Затем свои записи передавал офицеру, который обязан был постоянно находиться на *караульной платформе* (стоявшей в отдалении от шлагбаума) до отбития вечерней зори. Если проезжал генерал, то унтер-офицер кричал караулу: «Вон!» для *отдания чести*. Суточный караул сменялся рано утром, и офицер по итогам дежурства направлял рапорт коменданту города.

В Петербурге по докладу дежурного офицера начальник штаба подавал суточные рапорты «о проезде» императору. И если порой оказывалось, в тот или иной день проезжающих «было много», а рапорты государю по итогам дежурства подаются «почти белые», то офицерам делали замечания. Поручика же лейб-гвардии Финляндского полка, барона А.Е. Розена после смены караула вызвали к коменданту Петергофа, который стал выяснять, почему он, караульный офицер, в рапорте написал, что через городскую заставу проехали генерал-адъютанты «и прочие», но не указал, куда они ехали. Во-вторых, написано, что проехал генерал князь Ливен, но оба князя с такой фамилией в настоящий момент «в чужих краях». Андрею Евгеньевичу пришлось объяснять, что унтер-офицер принес ему на караульную платформу записку, там был написано «князь Ливен», сам же он видел только, что «промчалась большая карета, в коей не мог распознать лиц, сидевших в глубине кареты...». Кончилось тем, что комендант, выслушав, «с досадою» попросил поручика «вперед исправнее стоять на карауле».

Вечером 30 июля город «был иллюминирован».

На следующее утро в девять часов, в субботу, первая гвардейская дивизия была «выстроена для шествия в церковный парад [так в тексте. – В. Х.] на дворцовой площади, где и ожидала высочайшего прибытия Государя Императора». В Казанский собор «введено было 10 батальонов, а прочие непоместившиеся разставлены были на перистилиях храма». После литургии

⁸⁴ Цит. по: Соколовский М. После грома победы (Русская гвардия в 1815-1834 годах) // Русский архив. 1906. Кн. 3. Вып. 12. С. 554-555.

⁸⁵ Там же. С. 551.

⁸⁶ См.: Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1984. С. 89-91.

и благодарственного молебна император «повелеть соизволил» распустить войска «по отделениям» в казармы⁸⁷.

Тем же днем Александр I объявил всем гвардейским генералам, штаб- и обер-офицерам «высочайшее благоволение» «за совершенное устройство вверенных им частей и исправность, в каковой они найдены при вступлении в Санктпетербург», а нижним чинам этих воинских частей пожаловал «по рублю на человека, по чарке вина и по фунту говядины»⁸⁸.

Больше о продолжении встречи гвардейских войск ничего в столичных газетах от 31 июля не говорилось. Узнали же читатели-петербуржцы в этот день, спустя десять месяцев после сражений под Лейпцигом, что высочайшим указом от 20 июля за оказанное в этих сражениях отличие поручики лейб-гвардии Преображенского полка А.И. Мессинг и лейб-гвардии Измайловского полка и адъютант генерал-лейтенанта Ермолова Муромцев пожалованы в штабс-капитаны, штабс-капитан Н.Д. Гурьев Семеновского полка – в капитаны; штабс-капитаны батальона Ее императорского высочества великой княгини Екатерины Павловны А.Н. Тулубьев и С.И. Муравьев-Апостол – в капитаны, а инженер-капитан Шабельский переводился в лейб-гвардии Семеновский полк.

И еще о том, что в Выборгской части продается «каменный дом пудреной фабрики о 2 этажах».

«Вообще прием, оказанный нам в Петербурге, показался нам много сдержаннее, нежели приемы в Дрездене и Париже». Так написал в «Заключении» своего военного дневника полковник лейб-гвардии Семеновского полка П.С. Пуцин⁸⁹, награжденный за Бородинский бой орденом Св. Владимира IV степени с бантом и золотой шпагой «За храбрость» в заграничном походе.

«Сын Отчества» откликнулся на торжества 30 июля... двумя стихотворениями. «Народной песней», посвященной «храброй Русской гвардии», и шестистрочным стихотворением генерал-лейтенанта в отставке, поэта-дилетанта Павла Петровича Вырубова 2-го «На Вступление в Санктпетербург ГВАРДЕЙСКИХ ПОЛКОВ 30 июля 1814 года»:

Герои Россские, подпора славна трона!
Коварство низложа в лице Наполеона,
Идите в град Петра Отчества Отца,
Сияя красотой лавроваго венца;
С оливою в руках, залогом мира верным,
И кто противу вас, коль вы с Благословенным!⁹⁰

И все. Без многострочного стихотворного изложения: «Парад открыл и принимал Верховный главнокомандующий...» и вариаций на тему «Гром победы».

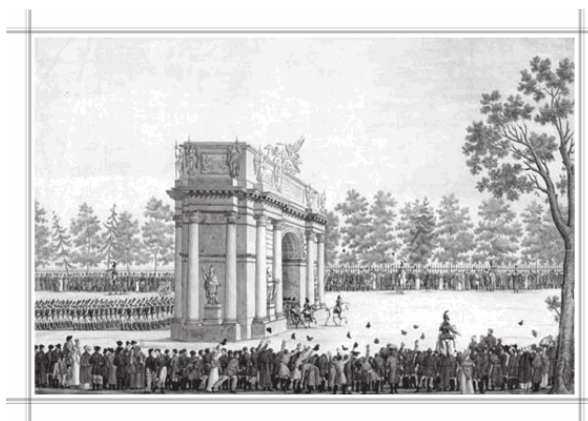
Об офорте Ивана Алексеевича Иванова с текстами на французском и русском языках: «Видъ Триумфальныхъ воротъ воздвигнутыхъ в честь Россійской Императорской Гвардіи, и торжественное ея въ шествіе в Санктпетербургъ въ Іюле 31го 1814 года».

⁸⁷ Северная почта. 1814. 5 августа; Московские ведомости. 1814. 15 августа. 1588-1589.

⁸⁸ Санктпетербургские ведомости. 1814. 31 июля.

⁸⁹ См.: Пуцин П.С. Дневник. 1812-1814. Л.: ЛГУ, 1987. С. 45.

⁹⁰ Сын Отчества. 1814. Кн. XV. С. 241.

И.А. Иванов. Вид триумфальных ворот, воздвигнутых в честь российской императорской гвардии и торжественное ее вшествие в Санкт-Петербург в июле 31-го 1814 г. Офорт. Фрагмент

Сын архитектора, профессора Академии художеств, досрочно окончивший архитектурный класс Академии со званием художника архитектуры XIV класса, художник-инвентор (создавал рисунки для изделий Императорского Стекланного завода), в 1814 г. 33-летний иллюстратор и график И.А. Иванов пребывал, по приглашению А.Н. Оленина, в должности почетного библиотекаря Императорской Публичной библиотеки. А.К. Андреев не исключил «возможность не только графического исполнения, но и авторского участия Иванова в проекте триумфальных Нарвских Ворот архитектора Кваренги, скульптуры для которых исполнял друг Иванова И.И. Тербенев»⁹¹. Хотя приведенный (и единственный) аргумент в пользу соавторства И.А. Иванова достаточно зыбок. Но известно, что Иван Алексеевич после манифеста 1815 г. о сооружении мемориала Двенадцатого года создал проекты трех *Столпов Славы и Победы* (один из которых – в виде роstralной дорической колонны, составленной из трофейных орудий).

Вызывает сомнение, что соавтор «Сатирических листов 1812 года», автор офорта «Наполеон набирает новую армию из разных уродов и калек» И.А. Иванов исполнил рисунок «с натуры». Так, расстояние между боковыми фасадами ворот и заборами, ограждавшими частные участки, по архивному документу⁹², в 1814 г. составляла около 2 метров с каждой стороны. На офорте И.А. Иванова колонны и фриз ворот имеют тот же цвет, что и фасады: эта неточность исправлена в дальнейшем, в копиях офорта неизвестных и известных авторов. Можно и дальше продолжать перечисление несоответствий между изображенным И.А. Ивановым на офорте и тем, как было – по описанию современников и по сохранившимся документам – в действительности. Важнее другое – лубочная манера исполнения «вшествия». Она напоминает строки из написанной М. Лобановым в 1814 г. «*по случаю возвращения*» «Песни»: «Он за зло платил добром, / Воскресил Бурбонов дом».

На четвертый день после торжеств 30 июля С.К. Вязмитинов направил предписание исправляющему должность столичного обер-полицмейстера генерал-майору И.С. Горголи: «Триумфальные ворота, сооруженные на Петергофском проспекте в Нарвской части, прикажите Ваше Превосходительство иметь в присмотре частному приставу той части с тем, чтобы он распорядясь по сохранению их в целости и во всегдaшнем порядке, доносил тотчас если бы в них случилось какое повреждение, которое однако ж, при возлагаемом на полицию при-

⁹¹ Андреев А.К. Художник архитектуры академик Иван Алексеевич Иванов и некоторые вопросы истории и теории русской архитектуры: автореф. дис. ... докт. архит. Л., 1991. С. 32.

⁹² См.: Триумфальные ворота. План и фасад ворот и галереи около них. 1814 // РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1074. Л. 1.

смотре, не должно произойти от других причин, как только от времени или действия климата»⁹³.

Исполняя предписание, майор И.Я. Асосков Триумфальные ворота «исправно» сдал, надзиратель Бессеребренников и частный пристав Нарвской части Журиков новые Триумфальные ворота приняли (о чем С.К. Вязмитинов сообщил Городской думе во второй половине сентября).

Через пятнадцать лет И.Я. Асосков будет генерал-майором, чиновником по особым поручениям Провиантского департамента Военного министерства.

Высочайшими указами от 30 августа «за отличное усердие к службе по управлению Министерством в минувшую войну» князь А.И. Горчаков 1-й был пожалован в генералы от инфантерии, С.К. Вязмитинов «в пятидесяти пяти летнее безпорочное и усердное служение» – кавалером ордена Св. Андрея Первозванного⁹⁴, а частный пристав Нарвской части капитан Журиков – следующим чином, майора.

Утром 1 сентября Александр I отбыл в Вену.

Ровно за три года до этого, с первой половины августа, каждый вечер, с восьми часов и до рассвета, была видна «близ созвездия Медведицы» комета.

Судя по материалам газет 1814 г., 30 июля оказалось первым и последним днем, когда проход войск сквозь новые Триумфальные ворота рассматривался как отдельная часть церемониала вступления в город.

В субботу 5 сентября в столицу, при «благоприятнейшей погоде», под командованием великого князя Константина Павловича, вступили Литовский, Финляндский, Гренадерский и Павловский полки 2-й гвардейской дивизии. По официальному сообщению, полки были выстроены по Петергофской дороге от Таракановского моста в сторону городских ворот (то есть, получается, сквозь новые Триумфальные ворота).

Во втором часу дня прибыли члены царской фамилии. «Государь Цесаревич с войсками отдал честь Августейшей Родительнице Своей, Которая изволила проехать вдоль всего фронта, наполнявшего воздух радостными восклицаниями *ура!* Потом Государыня Императрица остановилась» между старыми Лифляндскими триумфальными воротами и Калинкиным мостом «и изволила смотреть, как сия дивизия проходила церемониальным маршем. После сего полки пошли к своим казармам, где и отправлялось благодарственное молебствие»⁹⁵.

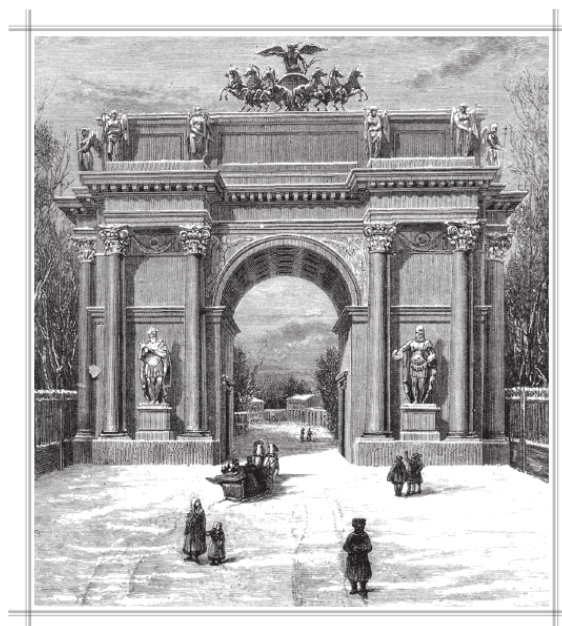
Информация читателям о вступлении в Санкт-Петербург кавалергардов, конной гвардии и частей гвардейской артиллерии 18 октября была совсем скудной. Войска вошли, ведомые управляющим Военным министерством князем А.И. Горчаковым. Затем они прошли мимо него парадным маршем и, «по выслушании на площади, пред казармами благодарственного молебствия, вступили в оныя». Новые триумфальные ворота не упоминались. Зато петербуржцы узнали, что «в Англию везут сани, в которых Бонапарте прокатился от Москвы до Вильны»⁹⁶.

⁹³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 99. Л. 331.

⁹⁴ См.: Санктпетербургские сенатские ведомости. 1814. № 38. 19 сентября. С.210-211.

⁹⁵ Северная почта. 1814. 12 сентября.

⁹⁶ Сын Отечества. 1814. Кн. XXXVII. Второе прибавление. 18 сентября. С. 4; Русский инвалид. 1814. 24 октября.

Нарвские триумфальные ворота

Исполненный впечатлениями, придворный капельмейстер Даниэль Штейбельт написал *военную пьесу* для фортепиано «Возвращение русской кавалерии в Санкт-Петербург 18 октября 1814 года». Годом ранее уроженец Берлина, автор поставленной в Париже в разгар Великой революции оперы «Ромео и Джульетта», а также симфоний, концертов, трио, квартетов, квинтетов и вариаций, написал и издал (дословно) *фантазию для фортепиано* «Изображение объятай пламенем Москвы». Надо полагать, автору после ее исполнения долго аплодировали...

О том, как вошли 25 октября в столицу уланский, гусарский и драгунский полки Гвардейского корпуса, газеты не сообщили.

О двух других триумфальных памятниках, связанных с событиями 1812-1814 гг. В Москве были возведены деревянные триумфальные ворота.

В Риге 4 июля 1815 г. были заложены Александровские триумфальные ворота «по случаю благополучного по окончании войны приезда Императора Александра I из Парижа». Выстроили ворота из песчаника, украсили ионическими колоннами, на четырех бронзовых медальонах изобразили знаки разных сословий города.

Второго марта 1817 г. в Санкт-Петербурге скончался Джакомо Кваренги.

О дальнейшей судьбе ворот Дж. Кваренги 1814 г. на Петергофской дороге известно следующее.

Примерно в июне 1824 г. М.А. Милорадович сообщил А.Н. Оленину, что по его докладу Александр I повелел: «Триумфальные ворота по Петергофской дороге, в свое время на скоро из дерева и алебаstra построенные, соорудить ныне из Мраморов, Гранитов и меди, – на том самом месте, где теперь стоят Гранитные Градские ворота». И одновременно военный генерал-губернатор «призвал» Оленина «к соучастию в сем важном по предмету Художеств деле».

Оба, по просьбе Оленина, съездили на Обводный канал, к воротам, «чтобы в натуре видеть возможность, устроить Триумфальные врата точно по проекту знаменитого в зодчих, покойного Гваренгия там где из гранита зделан градский въезд». «Сей щасливой мысли он бы конечно от всего сердца порадовался, если-б был еще в живых», – высказал Милорадовичу свою уверенность Оленин. А как был бы «рад» покойный Антонио Ринальди, президент Академии художеств умолчал.

Первым июля 1824 г. датируется письмо А.Н. Оленина М.А. Милорадовичу⁹⁷. «При личном обозрении тех и других ворот Ваше Сиятельство изволили удостоверить в возможности исполнить предполагаемое дело. Получив планы сих ворот, я почел нужным опять съездить наместа для надлежащей поверки и могу Вам, Милостивы Государь, смело теперь донести, что предположение сие может весьма удобно быть исполнено», – докладывал Оленин и представил «первыя» свои «соображения по сему делу».

«Нужно предварительно с существующих доселе ворот, снять с большею точностию меры всех Архитектурных частей». Почему? «Ваше Сиятельство желали убедиться в том: можно ли ворота по проекту Г. Гваренгия воздвигнуть на самом том фундаменте, на котором ныне стоят Гранитныя Градския ворота; расширив проезд в воротах Г. Гваренгия, по крайней мере на два аршина, для свободного разъезда экипажей, и следственно увеличив несколько по сему размеру и все пропорции тех ворот». Далее – о проделанной работе и другие «соображения». «Чтобы исполнить желание Вашего Сиятельства я получив верные планы, повторил их в натуре. При сей поверке оказалось, что проезд в Триумфальных воротах по проекту Г. Гваренгия имеет только 8-м аршин ширины. Он ни как не мог делать онаго шире по тесноте места; на котором поставлены были его ворота а именно при въезде в предместье города. Напротив того Гранитныя ворота имеют в проезде 9 ¹/₂ арш. <...> можно смело полагать 10 аршин чистаго проезда. <....> Можно весьма легко обвести гранитныя тротуары около ворот <...>» и т. д.

17 июля 1824 г. датируется письмо уже М.А. Милорадовича А.Н. Оленину.

«Милостивый Государь

Алексей Николаевич!

Я имею честь известить Ваше превосходительство, что предложение Дворянского Собрания о сооружении каменных Триумфальных ворот должно быть приведено в исполнение.

Для сего полагаю я необходимо полезным и нужным составить Комитет.

Я имею честь пригласить Ваше Превосходительство быть в оном Членом.

В оном находиться будут Г.Г. обер Гофмейстер Граф Юлий Помпеевич Лита, Гражданский Губернатор, Исправляющий должность Губернскаго Предводителя Дворянства, Градский Глава и я членами же. <...>»⁹⁸.

Членами Комитета стали шесть человек, скорее всего, по аналогии с первым параграфом высочайше утвержденных 22 февраля того же года «Общих правил Комиссии для построения Исаакиевского собора» – «Комиссия состоит из Председателя и шести членов».

Кто будет назначен председателем создаваемого Комитета, Милорадович не сообщил.

Как явствует из документов⁹⁹, посвятить каменные ворота намеревались «к торжественному въезду» Его императорского величества. На сентябрь 1817 г. сумма пожертвований «от разных лиц пребывающих в С.-Петербурге» на сооружение этих триумфальных ворот составляла (без процентов) 56 663 руб. 32 ¹/₂ коп.

В середине мая 1825 г. исполняющий должность предводителя дворянства К.К. Родофиникин написал князю Дмитрию Николаевичу Шереметеву, что Комитет «занялся составлением смет для каменных Триумфальных ворот, и в непродолжительном времени» приступит «к постройке оных, на берегу Обводнаго канала, у Нарвской заставы»¹⁰⁰.

⁹⁷ См.: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 390-а. Л. 6-9.

⁹⁸ Там же. Л. 12.

⁹⁹ См.: там же. Ф. 565. Оп. 13. Д. 2292. Л. 1, 7, 12, 14.

¹⁰⁰ См.: там же. Ф. 1088. Оп. 3. Д. 1850. Л. 2.

Последнее в уходящем 1825 г. заседание Комитета состоялось 13 ноября, за шесть дней до смерти в Таганроге Александра I.

В 1826 г. в Москве у Тверской заставы открыли *новые* Триумфальные ворота – в память событий войны 1812 г. и «подвигов царственного героя этой войны Императора Александра Благословенного»¹⁰¹. Ворота были выполнены в камне, а их украшения – из бронзы. Так же как и на петербургских воротах Кваренги, на выступах – двенадцать колонн по всем фасадам, триумфальная колесница, запряженная шестью лошадьми, посвятельная надпись на русском и латинском языках, на пьедесталах между каждой парой колонн – фигуры. Только уже «русских воинов», причем одинаковых.

К. Гампельн. Екатерингофское гулянье. Раскрашенная гравюра. Фрагмент панорамы. 1824-1825 гг.

14 августа 1827 г. датирован высочайший указ, которым учреждался, под председательством великого князя Михаила Павловича, «Комитет сооружения Триумфальных ворот в честь Гвардейского Корпуса» и *назначались* его члены. А именно: военный генерал-губернатор генерал-адъютант П.В. Голенцев-Кутузов, член Государственного совета тайный советник А.Н. Оленин и петербургский предводитель дворянства тайный советник И.А. Нелидов. «Сверх того», членами в Комитете указано было быть четырем лицам, в том числе статскому советнику архитектору В.П. Стасову.

Начинался же указ ссылкой на «почивающего» императора Александра I, который «в последнее время жизни своей имел намерение, согласно с постановлением С. Петербургского Дворянства, состоявшимся в 1814 г., соорудить в честь Гвардейского Корпуса каменные Триумфальные ворота, сохранив при том сколь можно вид таковых временных ворот, по плану Архитектора Гваренги выстроенных».

В заключение император предоставил право великому князю Михаилу Павловичу «приказать немедленно приступить ко всем нужным приготовлениям к закладке Триумфальных ворот».

В девять часов вечера 24 августа 1827 г. во дворце великого князя Михаила Павловича началось первое заседание Комитета.

Через два дня состоялась закладка новых ворот, с парадом. Присутствовали император, государыня императрица Мария Федоровна и наследник престола великий князь Михаил Павлович, а также «все офицеры, унтер-офицеры и нижние чины Гвардии, украшенные военным орденом медалями: в память 1812 года и за взятие Парижа и Пруссим железным крестом»¹⁰². Последние два слова из свидетельства современника обычно заменяют в публикациях «и другими боевыми наградами».

Примерно через три недели набивка свай под новые ворота была окончена.

¹⁰¹ Педашенко С.А. Памятники императору Александру I, а также героям и событиям Отечественной войны 1812 года. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1912. С. 14.

¹⁰² Свишын П.П. Моя поездка в Ревель 1827 года // Отечественные записки. 1828. Ч. 33. С. 12-13.

13 декабря 1827 г. В.П. Стасов подписал две сметы, в том числе «Частную примерную смету на принадлежности Триумфальных Ворот в честь Гвардейского корпуса сооружаемых»¹⁰³. Ими, в частности, предусматривались строительство «объездного моста» через Таракановку, аренда и покупка земли у «разных владельцев», а также прокладка «новой улицы в прямом направлении к воротам» (то есть будущий Нарвский проспект), планировка «площади при въезде из С. Петербурга на новую и старую улицу», «поперечной» улицы в Екатерингоф от нынешнего Старо-Петергофского проспекта через Нарвский проспект, покупка земли «для площади у старых ворот» (950 кв. саженей).

Деревянные Триумфальные ворота Дж. Кваренги в документах В.П. Стасова не упоминались.

На ноябрь 1827 г. в Государственном Заемном банке обращались «пожертвования Дворянством и Купечеством после 1812 года» в размере 103 542 руб. 11 коп. Еще при своей жизни генерал от кавалерии Ф.П. Уваров положил в банк, по завещанию – на возведение монумента, 200 тыс. руб. 126 тыс. руб. ожидалось (причем долго и с трудом) «от наследников покойного Генерала Уварова»¹⁰⁴.

В проекте штата канцелярии Комитета (21 единица) по строительной части указывались «два вахтера из Инвалидов, знающих читать и писать, в помощь Смотрителю и три нижних чина, Инвалидов же для присмотра и караула за материалами и работниками».

Первого сентября 1828 г. был «принят в должность» казначей «Комитета сооружения...» надворный советник В.П. Каплуновский, бывший ответственный за делопроизводство и финансовую отчетность «Комитета об устройении Екатерингофа» и по-прежнему служивший в канцелярии военного генерал-губернатора.

Летом того же года «Комитет сооружения...» взял за основу «первоначальный проект» покойного архитектора Кваренги, «но с некоторым уменьшением ваятельных украшений, по предположению Архитектора Статского Советника Стасова».

В июле 1829 г. военный генерал-губернатор Петербурга направил министру Императорского двора князю П.М. Волконскому письмо, в котором, в частности, сообщалось: «Временные деревянные Триумфальные ворота на Петергофской дороге, пришли наконец в такую ветхость, что угрожают опасностью для проезжающих; к отвращению чего необходимо нужно снять фигуры, украшающие сии ворота, как не имеющие достаточного укрепления и шатающиеся».

На приведение сей меры в действие, осмеливаюсь я испрашивать **ВЫСОЧАЙШАГО ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА** разрешения»¹⁰⁵.

Обратим внимание, что генерал-губернатор испрашивал разрешение только на снятие скульптурных фигур с аттика ворот, но не о разборке всего сооружения. В письме не говорилось о том, что какая-либо деталь скульптурного украшения когда-либо, отвалившись с аттика или крыши, нанесла урон проезжавшим или проходившим.

Инициатором *полного сношения* ворот стал Николай I.

26 июля 1829 г. князь П.М. Волконский ответил генерал-губернатору П.В. Голенищеву-Кутузову: «Вследствие донесения Вашего Высокопревосходительства, что временные деревянные Триумфальные ворота на Петергофской дороге пришли в крайнюю ветхость и угрожают опасности для проезжающих, Государь Император Высочайше повелеть соизволил к отвращению опасности сломать сии ворота»¹⁰⁶.

¹⁰³ См.: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 390-а. Л. 104-106, 109-115.

¹⁰⁴ См.: там же. 137, 155.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 472. Оп. 12. Д. 449. Л. 25.

¹⁰⁶ Там же. Л. 26.

Тем же днем генерал-губернатор известил Сенат, что воздвигнутые по предложению «чрезвычайных собраний» Сената в 1814 г. ворота «пришли в совершенную ветхость и угрожают падением, не менее как и опасности от того проезжающим и проходящим», и что государь император повелеть соизволил «разобрать сии ворота так как уже на место оных заложены новые Каменные»¹⁰⁷.

Сенат заслушал письмо и принял его к сведению.

30 июля, ровно через пятнадцать лет после торжественного прохождения через Ворота войск гвардии, день в день, генерал-губернатор отрапортовал министру Императорского двора, что надлежащее распоряжение о сломе ворот сделано.

Распоряжение «обратить» ворота «в сломку и продажу» исполнял Комитет городских строений.

К началу октября 1829 г. ворота были «сломаны», «и материал продан, кроме 20 чугунных пушек». Последнее связано с тем, что Комитет городских строений не решился «продать их за бесценок», а потому «Комитет сооружения...» постановил «сдать пушки» в ведение архитектора В.П. Стасова¹⁰⁸.

В феврале 1831 г. запланированное «проложение дороги» от строящихся ворот к гауптвахте Нарвской заставы – будущего Нарвского проспекта – было перенесено на лето.

К 1833 г. по проекту академика и профессора II степени Академии художеств В.И. Беретти была построена новая гауптвахта – у новых ворот. Площадь, занимаемая строением, составляла более 450 кв. м. Обустройством площади и улиц вокруг Ворот занимался исправляющий должность инспектора «Управления по содержанию ремонтom окрестностей С. Петербурга дорог и прочих трактов» инженер-полковник Яким Якимович Виадо.

Через тридцать три года последовало высочайшее повеление об упразднении караулов у Московских и Нарвских триумфальных ворот. Здания караулов были переданы в ведение города. Бывший караульный дом у Нарвских ворот был сдан в аренду.

В 1870 г. особая комиссия Комитета о раненых произвела осмотр Нарвских триумфальных ворот¹⁰⁹. Они, с точки зрения комиссии, «оказались ветхими» и требовали «значительных исправлений», на что требовалось более 23 тыс. руб. Однако финансовым источником ремонта, по установленным правилам, должна была быть только сумма с процентов от «капитала ворот», и насчитывала она всего 1432 руб. 8 коп. Поэтому Комитет о раненых дважды обратился в Главный штаб Военного министерства с ходатайством о передаче и ворот, и «капитала ворот» (почти 40 тыс. руб.) в ведение городского «Общественного Управления».

Наконец, 24 декабря 1874 г. таковое высочайшее повеление последовало, «Городскому Общественному Управлению» также поручено было «надзирать за Воротами», а «состоящих» при Воротах инвалидов перевести в число «призреваемых» в Николаевскую Чесменскую военную богадельню.

¹⁰⁷ См.: там же. Ф. 1341. Оп. 30. Д. 1515. Л. 1, 1 об.

¹⁰⁸ См.: там же. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 390-б. Л. 42.

¹⁰⁹ См.: там же. Ф. 1287. Оп. 30. Д. 522. Л. 1, 3, 24, 26.

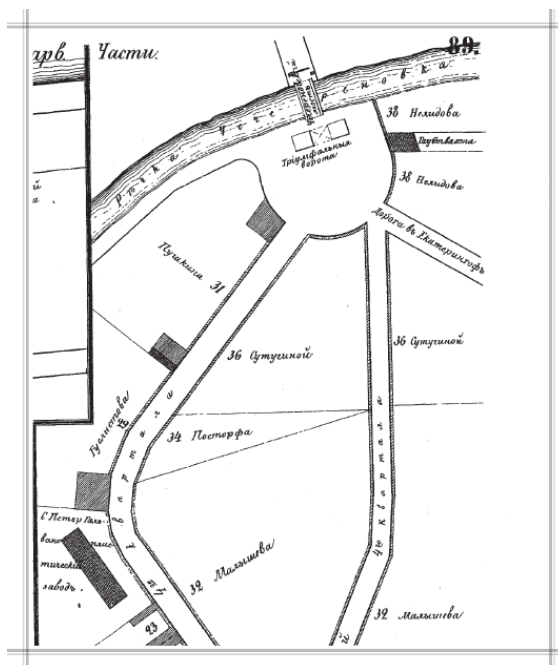
Сутугины и другие

На «Генеральном плане ворот и обозначением местности около Петергофской дороги...» 1814 г. по правую сторону от новых Триумфальных ворот, по нынешней нечетной стороне Старо-Петергофского проспекта, располагался «Сад купца Сутугина» (№ 902)¹¹⁰.

Начнем именно с Сутугиных, тем более что нынешний мост через Бумажный канал (правильнее, бывший затон Таракановки) называется Сутугиным, а улица Перекопская – от площади Стачек до парка «Екатерингоф» – официально с 9 августа 1882 г. по 15 декабря 1952 г. называлась *Сутугиной*.

В ноябре 1795 г. купец 3-й гильдии Петр Матвеевич Сутугин обвенчался в церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы (в Литейной части) с 20-летней купеческой дочерью Натальей Ивановной Армяниновой. С того года и на протяжении последующих тридцати лет Петр Иванович «с особенною ревностию и усердием» исполнял обязанности старосты этого храма.

Владел Петр Матвеевич собственным домом на участке, расположенном на углу Итальянской (параллельно именовавшейся Садовой и позднее – Большой Итальянской) и Нового переулка (с 1829 г. – Малая Садовая, в 1887-1918 гг. – Екатерининская ул.). Современный адрес: дом № 2 по Малой Садовой и № 27 по Итальянской улице, более известный как «Дом радио». После смерти Петра Матвеевича (24 ноября 1828 г.) участком владела невестка старшего сына, Анна Ивановна Сутугина (1802-1880), урожденная Ключарева. Далее участок принадлежал представителям семьи Васильевых. Многоэтажный каменный дом не сохранился. Владелец участка купец Сергей Яковлевич Васильев его продал, и на этом месте к 1914 г. возвели новое здание – для Благородного собрания.

Нарвская площадь и часть Петергофской дороги. План. 1849 г.

Соседний с участком П.М. Сутугина по Новому переулку принадлежал его родственникам – купцу И. Армянинову, потом сыну купца – Дмитрию Ивановичу. После его смерти (1877 г.) участок (№ 4) с домом перешел к внуку, затем к правнуку Петра Матвеевича Сутугина.

¹¹⁰ См.: РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1073. Л. 1.

Ныне на фасаде пятиэтажного здания прикреплена пояснительно-памятная доска, из которой явствует, что в 1828-1831 гг. в этом доме жил поэт И.И. Козлов, и перечислены известнейшие люди России, которые у него бывали.

По объявлениям¹¹¹, в доме П.М. Сутугина на Садовой улице можно было купить «разного сорта Италиянский шоколад» или коляску «со всем дорожным прибором», пригодную «для езды по городу». Или «две лошади». В другом сутугинском доме (который к 1822 г. перейдет к купчихе Зверковой), у Харламова моста, в ренсковом погребе, можно было купить вина: красное и белое испанское, полынное, малагу, белый и красный портвейн, бишев, смородиновку, малиновку, а также двойной портер «за печатью» и ординарный портер «без стекла». Причем «желающим оныя вина покупать анкерами и ящиками» предлагалась скидка. И это помимо других предлагавшихся водок и вин «по сходным ценам».

Водки поступали содержателям ренсковых погребков, имеющих соответствующие свидетельства, от заводчиков, которые, как правило, сами развозили свою продукцию для продажи.

В 1811-1813 гг. П.М. Сутугин входил «по выбору от купеческого общества» в «Комитет о городских строениях Санктпетербурга». В эти годы в Комитет входили те, кто в будущем будет строить в Екатерингофе (В.И. Беретти) и осуществлять его переустройство (М.П. Сакер, М.А. Овсянников).

«Дворовое место», которое было куплено П.М. Сутугиным в Екатерингофе, составляло площадь в 14,4 га. Границы участка проходили по нынешним Старо-Петергофскому проспекту, площади Стачек, Перекопской улице, набережной Бумажного канала и (примерно) по Бумажной улице.

Примерно к 1815 г. относится возведение на участке двухэтажной дачи с бельведером, запечатленной на гравюре К. Гампельна и неоднократно репродуцируемой в современной историко-краеведческой литературе.

Квадратный в плане дом (со сторонами в 15,5 м) имел несколько входов и три портика, площадь каждого из них равнялась примерно 14,5 кв. м. От бумажного канала дом отстоял примерно на пять саженей, от Бумажной улицы (после ее появления) – около 14 м. На расстоянии около 24 м от дома начинался почти квадратный в плане пруд площадью в 2,3 тыс. кв. м.

Дача П.М. Сутугина. Ок. 1815 г. Фото 1927 г.

В 1820-1822 гг. П.М. Сутугин являлся избранным от купечества членом депутатской комиссии по переоценке «обывательских домов, лавок и мест» в 1-й Адмиралтейской части. В эти же годы избранными от купечества членами аналогичных депутатских комиссий были

¹¹¹ См.: Санктпетербургские ведомости. 1817. 18 декабря; там же. 1818. Первое прибавление. 12 апреля; там же. 1819. Первое прибавление. 22 августа. С. 750; там же. 1821. 3 мая. С. CCCXIX.

и те, чья жизнь и предпринимательская деятельность будет связана с Екатерингофом – П.И. Пономарев (переоценка в 1-й Адмиралтейской части) и Г. Жуков (в Нарвской части).

Связана фамилия *Сутугин* и с событием 7 ноября 1824 г.

После наводнения столичные газеты долго молчали. Разве что одна, спустя неделю, в разделе «Смесь», обратилась к читателям: «Во время наводнения 7-го Ноября спасены пять тюков хлопчатой бумаги и брус красного дерева. Хозяин оных вещей, с ясными на принадлежность доказательствами, заплатя издержки, употребленные для спасения помянутых вещей, может явиться для получения...»¹¹².

Только 18 ноября столица узнала, что Александр I направил князю А.Б. Куракину рескрипт (от 11 ноября), которым император выделял «в раздачу наиболее разоренным и неимущим» один миллион рублей без возврата «из сумм, составленных от сбережения хозяйственным устройством военных поселений». Одновременно надлежало создать «Комитет о пособиях разоренным наводнением С. Петербурга» и положить в основу его деятельности следующее: доставление прибежища и содержание лишенных «покрова и пищи»; «чтоб пособия из назначенного капитала оказуемы были тем единственно, для коих по совершенной бедности они необходимы»; «чтоб пособия сии верно и точно доходили по назначениям» и «чтоб доставляемы оне были скоро и безпрепятственно»¹¹³

¹¹² Санктпетербургские ведомости. 1824. 14 ноября. С. 1148.

¹¹³ См: ОР РНБ. Ф. № 42. 836. Л. 2; Санктпетербургские ведомости. 1824. 18 ноября. С. 1149.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.